

Александр Танк

ЛЕТОПИСЕЦ

Александр Танк

Летописец

«Геликон Плюс»

2019

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Танк А.

Летописец / А. Танк — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-216-7

Что есть наша жизнь? Реальность или иллюзия, созданная нами за тысячи лет? Кто мы? Какая у нас цель? Что такое любовь? И есть ли она? Пока мы не ответили на эти вопросы, все наши «знания» это пустая информация, приведшая нас в бездну невежества и лжи. Не зная ничего, мы пытаемся знать всё. Молодому священнику из Греции пришлось пройти нелегкий путь, полный испытаний и разочарований, чтобы приблизиться к истине.

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-216-7

© Танк А., 2019
© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Первая часть. Актеон[1]	6
Детство и юность Актеона	16
Католический университет	20
Приход Актеона	22
Актеон и София	29
Миссия в Африке	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Танк

Летописец

© Танк А., текст, 2019

© «Геликон Плюс», макет, 2019

Первая часть. Актеон¹

Солнце палило нещадно, влага в воздухе наполняла лёгкие, мешая дышать полной грудью.

Актеон остановился, устало опираясь на посох, и уставился невидящим взглядом в природную пыль. Пот ручейками катился по лбу, застилая глаза. Но молодой человек, казалось, не замечал этого – он был погружён в свои мысли. Вдруг по его лицу пробежала тень. Актеон распрямил плечи и тряхнул головой, отгоняя тягостные размышления.

– Надо идти... – тихо, но твёрдо проговорил он и уверенно зашагал по пыльной дороге.

Издали донёсся крик петуха, предвещающий встречу с человеческим жильём. Это придало Актеону сил, и он зашагал веселее. Как давно не видел он людей, не спал под крышей и не ел горячей еды?! Скитаясь по дальним уголкам Индии, Актеон избегал людей. После разочарования в вере молодой человек хотел заглянуть внутрь себя, разобраться в своих душевных мытарствах. Понять смысл – не жизни, нет! Пребывания человека на Земле. Возможно, где-то здесь, среди бескрайних джунглей и пустынь, среди величественных храмов, и находятся ответы на вечные вопросы, заставляющие человека отправляться в дальнюю дорогу...

Вдруг Актеон услышал человеческие голоса. Он приближался к небольшой деревушке. Раскидистые ветви деревьев, обвитых лианами, мешали обзору. Сопровождающие Актеона любопытные мартышки стали более равнодушными к молодому человеку. Непоседливые существа, заполнившие собой почти всё пространство вокруг идущего по дороге мужчины, начали громко кричать, о чём-то переговариваясь между собой. В какой-то момент Актеон даже испугался, решив, что эти маленькие злобные твари решатся напасть на него и, внутренне напрягся, продолжая шагать. Но мартышки вдруг сорвались со своих мест и понеслись по верхушкам деревьев в сторону индийской деревни, которая показалась из-за поворота.

Актеон остановился и перевёл дух. Неприятное чувство нехоты отпустило молодого человека. Он не был трусом, не боялся никого и ничего. Но мартышек было так много, что мысль быть изувеченным совсем не радовала. Движимые чувствами страха, голода и мести, эти милые существа порой становятся опасными для людей. Актеон знал, что эти священные животные – неприкасаемы. Он уважал законы страны.

Актеон вытер лицо рукавом. Пот разъедал глаза. Хотелось пить и есть. Но молодой человек не торопился – он хотел некоторое время понаблюдать за жизнью в деревне.

Небольшая речка серебряно-чешуйчатой лентой огибала деревню. До слуха Актеона доносились звонкие голоса и смех. Картина мирной жизни открывалась его взору. Женщины стирали бельё, тут же раскладывали на траве длинные полотна ткани, по пыльной дороге носились ребяташки, играя в мяч. Мужчин не было видно. Видимо, они работали в поле. Над некоторыми хижинами в воздух поднимался бледный дымок. Актеон втянул ноздрями воздух. Запахи человеческого жилья опьянили его, но молодой человек не торопился продолжить путь. Он сторонился общения с людьми.

Но тут Актеон почувствовал ноющую боль в желудке. Уже много месяцев он питался только фруктами, которые срывал по дороге, вялеными овощами и сухарями. Актеон старался заглушить душевную боль аскетизмом, изнуряя тело. Течение мыслей неожиданно прервалось странным звуком: кобра, угрожающе шипя, преградила путь молодому человеку. Её раскрытый капюшон поблескивал в солнечных лучах.

Актеон невольно отступил назад. Подвергшийся нападению змеи в детстве, он до сих пор помнил ту нестерпимую боль, которая пронзила всё его маленькое тело. Спас мальчика случайный прохожий. После этого укуса Актеон пролежал несколько дней в лихорадке. Ему мере-

¹ В переводе «берег» (греч.)

щились странные вещи: люди, лица, которые неожиданно превращались в оскаленные гримасы или в уродливые маски. Эти видения иногда приходили во сне и позже. Только, когда Актеон стал старше, он понял, что значил его сон. Он видел настоящие лица людей!

– Ссс... – донёлся до его слуха тихий свист. Из зарослей на дорогу медленно шагнул человек в белых одеждах. Лицо старого индуса было спокойно, он не отводил взгляда от кобры и продолжал тихо свистеть. Змея переключила внимание на старика, продолжая шипеть и поблескивать красивым узором на раскрытом капюшоне. Старый человек приложил палец к губам. Актеон понял, что этот жест относился к нему. Надо молчать и стоять, не шевелясь, чтобы не разозлить кобру.

Змея начала покачиваться из стороны в сторону – свист вводил эту тварь в транс. Она очень медленно и, казалось, неохотно складывала свой капюшон, не сводя взгляда со старика. Продолжая тихо свистеть, индус попятился. Змея послушно двинулась за ним. Так, шаг за шагом, старик уводил кобру от Актеона. Молодой человек облегчённо вздохнул, продолжая наблюдать за происходящим.

Наконец старик отвёл змею на большое расстояние, остановился и замолчал. Кобра какое-то время ещё покачивалась из стороны в сторону, но потом опустилась на землю и неспешно нырнула в джунгли. Актеон понял, что опасность миновала, и пошёл навстречу старому индусу, который улыбался и с интересом наблюдал за незнакомцем. Не очень глубокие, но отчётливые морщины избородили его обветренное лицо, словно высеченное из камня. Старик был маленького роста и очень худой.

– Спасибо, – поблагодарил на хинди Актеон.

За долгие годы скитаний он выучил язык и мог вполне сносно объясняться на нём.

Старик ничего не ответил, а только кивнул головой.

– Могу ли я отдохнуть в вашей деревне? – продолжил Актеон.

Но индус вдруг развёл руками, показывая, что не понимает, о чём его спрашивают.

– Ты не понимаешь, – с сожалением произнёс Актеон.

Старик продолжал с любопытством разглядывать пришельца. Его забавляли потрёпанная одежда и давно потерявшая цвет разбитая обувь, что когда-то называлась кроссовками. Но особое внимание привлёк дорожный посох молодого человека. Тонкой работы резьба от пыли и солнца стала в некоторых местах почти чёрной.

Лицо старика стало серьёзным. Он медленно обошёл вокруг Актеона, не отрывая взгляда от посоха, потом осторожно дотронулся до него указательным пальцем и вдруг быстро заговорил на своём языке. Он был не знаком Актеону, видимо какой-то местный диалект.

Актеон решил, что старик хочет получить посох в подарок за спасение.

– Извини, отец, – он постарался вложить в свои слова максимум уважения к старику, – но это очень полезная вещь в дороге. Я не могу отдать её тебе. Но кое-что для тебя всё-таки есть.

С этими словами Актеон снял с плеч рюкзак, опустил его в придорожную пыль, развязал тесёмки и начал рыться в нём. Индус, сложив руки на груди, продолжал улыбаться открыто и искренне. И тут молодой человек заметил, что у него во рту сохранилось только несколько зубов.

– Держи, отец! – Актеон протянул ему маленький фонарик. Путнику очень хотелось чем-то отблагодарить старика. Индус в недоумении поднял брови. Актеон нажал на кнопку, и фонарик включился. Затем нажал второй раз, и свет погас. Из груди старика вырвался вздох – то ли удивления, то ли восхищения. Но он почему-то убрал руки за спину.

– Держи! Держи! – настаивал Актеон. Старый индус с недоверием посмотрел на него и нерешительно взял фонарик из рук молодого человека.

– Вот здесь нажимаешь, – Актеон снова нажал на кнопку, – и свет зажигается.

Он терпеливо показывал старику, как пользоваться обычным фонариком.

Тот с благоговением взял фонарик в свои заскорузлые руки и неумело нажал на кнопку – свет зажёгся, раздался радостный возглас. Затем он снова нажал на кнопку, и свет погас. Восхищению старика не было предела – он включал и выключал фонарик, сопровождая процесс громкими восклицаниями.

– Стоп! – твёрдо сказал Актеон. – Так ты всю батарейку израсходуешь.

Старик на мгновение замер, а потом с выражением растерянности на лице протянул Актеону фонарик – он решил, что незнакомец чем-то недоволен и решил забрать свой подарок.

– Нет, нет! Это тебе! – Актеон взял в свои ладони руки старика, сжимающего фонарик. – Просто батарейку надо беречь. Иначе её не хватит надолго.

Старик, казалось, понял, о чём говорит незнакомец. Одной рукой он прижал подарок к груди, а второй рукой стал указывать на небольшую хижину на окраине деревни. Видя, что Актеон не понимает его, старик ухватил молодого человека за рукав и потянул за собой. Актеон улыбнулся – теперь он понял, что его приглашают в дом.

– Спасибо! – на душе Актеона стало тепло. Он так долго скитался по чужим дорогам, что вдруг остро ощутил, как соскучился по общению, по горячей еде, ему хотелось снова почувствовать себя обычным человеком.

Старик и молодой человек вместе зашагали по дороге. Индус, не умолкая что-то говорил Актеону. Молодой человек, ни слова не понимая из его речи, улыбался, возвышаясь над маленьким и хрупким стариком.

Жители деревни, завидя издали незнакомца, прерывали свои дела и, не стесняясь, разглядывали Актеона. На лицах женщин было самое разное выражение – от любопытства до изумления. Молодые девушки, преодолевая стеснительность, тоже поглядывали на незнакомца, правда хорошо потрёпанного. Зато ребяташки гурьбой обступили Актеона и норовили потрогать его одежду или дотронуться до светлой кожи незнакомца. Несмотря на загар и копоть от долгих скитаний, цвет кожи Актеона был намного светлее цвета кожи местных жителей.

В окружении галдящих мальчишек и девчонок старик и молодой человек подошли к хибаре и вошли в приятную прохладу помещения. Ребятишки тоже порывались проскользнуть вслед за незнакомцем, но старик, нахмутив брови, грозно топнул ногой, и ребячья горюха рассыпалась по сторонам, оседлав близ стоящие деревья. Любопытство брало верх, не давая им уйти. В глазах старого индуса промелькнула добрая улыбка – он не сердился на детей, а только пытался изобразить строгость на своём лице.

Актеон вошёл в хибару. Приятную темноту жилища прорезали косые солнечные лучи, прорывающиеся сквозь редкие щели в стенах старого строения. Сначала Актеон никого не заметил в глубине небольшого помещения, но когда глаза привыкли к полутьме, перед ним возник силуэт девушки в скромном сари. Расположившись на полу на небольшом потёртом коврикe, она перебирала рис. Увидев незнакомца, девушка засмушалась и прикрыла нижнюю часть лица свободным концом одеяния.

– Привет! – растерянно произнёс Актеон, не ожидая встретить тут кого-либо.

– Привет! – еле слышно ответила девушка, не поднимая на него глаз.

Актеон обрадовался, хоть кто-то понимает его в этой Богом забытой деревушке.

В комнату вошёл старик и что-то быстро сказал девушке. Та, не поднимая глаз, грациозно поднялась с пола, подошла к ведру, зачерпнула плоской водой и, подойдя к Актеону, подала ему. Только в этот момент она решила поднять глаза и посмотреть незнакомцу в лицо.

«Какая красивая!» – подумал Актеон. На миг забыв о жажде, он стал с неподдельным интересом рассматривать юную красавицу. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Стройное, гибкое тело, безупречный овал лица, чёрные, как смоль, волосы и большие миндалевидные глаза – несомненно, она была очень хороша.

Но тут девушка, засмушавшись, опустила глаза и убежала из дома.

Старик кого-то позвал по имени, и в комнату вошёл худосочный человек, склонившись в почтительном поклоне. Было видно, что вошедший мужчина – слуга. Это позабавило Актеона. Ведь жилище совсем не производило впечатление богатого. Тем не менее худой мужчина явно прислуживал старику.

Выслушав указание хозяина, слуга с таким же почтительным поклоном вышел. А старик что-то сказал Актеону. Но тот только недоумённо пожал плечами. Тогда индус крикнул во второй раз, и в комнату опять вошла сбежавшая юная красотка.

– Отец говорит, что ты – наш гость и можешь жить, сколько захочешь, – заговорила девушка на ломаном английском.

– Передай отцу, что я благодарю его за спасение, – приложив руку к сердцу, сказал Актеон. В глазах девушки на мгновение вспыхнуло любопытство, но она умело скрыла его и снова опустила глаза.

– Хорошо, я передам, – кивнула она и обратилась на своём языке к старому индусу. Тот внимательно слушал дочь, кивая головой и улыбаясь. Потом что-то сказал ей в ответ и, посмотрев на Актеона, рукой пригласил присесть на диван. Это была единственную мебель во всём жилище, остальное пространство было покрыто коврами. Актеон отметил, что в скромном доме старика и его дочери очень чисто и уютно.

– Отец сказал, что ты можешь занять это место, – девушка почтительно поклонилась Актеону. – Чувствуй себя как дома. Скоро мы будем обедать, и отец просит тебя разделить с нами трапезу.

– Я с радостью принимаю приглашение твоего отца, – Актеон ответил лёгким поклоном головы девушке, потом её отцу. Старик засиял от удовольствия, гость явно ему нравился.

Актеон подошёл к дивану, намереваясь сесть, но вдруг взглянув на свою запylённую одежду и стоптанные кроссовки, спросил:

– Можно ли в вашей речке помыться и постирать вещи?

Вопрос был задан девушке, от которого она смутилась и покраснела. Затем посмотрела на отца и что-то ему сказала. Старик стал серьёзным и позвал слугу, который в очередной раз почтительно поклонился хозяину и внимательно выслушал указания. Посмотрев на Актеона, слуга кивнул в сторону дверей, давая понять, что надо выйти.

На улице Актеон зажмурился – яркое солнце ослепило его. Когда его глаза привыкли к свету, молодой человек увидел, что слуга старика терпеливо ждёт его. Дети быстро спрыгивали с веток деревьев на землю, боясь пропустить что-нибудь новое и интересное. Самые смелые обступили незнакомца, но слуга прикрикнул на них. Мальчишки и девчонки нехотя побрели восвояси. Актеон удивился тому, что детвора беспрекословно подчинилась.

Худой человек посмотрел на Актеона, кивнул в сторону, откуда доносились женские голоса, и зашагал по тропе. Актеон последовал за ним.

Голоса женщин остались далеко позади, когда перед ними показалась водная гладь. Сопровождавший его мужчина почтительно поклонился, показывая, что они достигли цели своего путешествия.

Актеон огляделся. Вокруг никого не было. Он вошёл в тень дерева, с облегчением скинул с плеч рюкзак, сел на траву и начал развязывать шнурки на кроссовках. Шнурки торчали колом от долгого скитания по дорогам в жару и в дождь, они покрылись толстым слоем грязи. Актеон попытался развязать шнурок, но тот порвался в его руках, второй тоже не выдержал времени. Худой мужчина с удивлением смотрел на то, что было когда-то шнурками. Актеон неожиданно рассмеялся, хрипло и неумело. За последние годы он забыл, как это – смеяться. Худой мужчина смотрел с недоумением теперь на самого Актеона и не понимал, почему тот смеётся.

Актеон снял кроссовки и поднялся. Его ступни были неестественно белы по сравнению с загоревшими руками и лицом. Актеон сделал несколько шагов по траве, наслаждаясь её про-

хладой, и скинул с себя грязную одежду. Лёгкий ветерок коснулся уставшего тела. Молодой человек на минуту закрыл глаза, а затем, весело крикнув, бросился в воду.

Молодой человек плескался в прозрачной воде и радовался, как ребёнок. Он хорошо плавал с детства. Отец считал, что каждый мужчина должен уметь плавать. А ещё он говорил, что мужчина должен уметь постоять за себя. Вот почему он отдал Актеона в секцию греко-римской борьбы. Картинки из детства мелькали в голове Актеона цветным калейдоскопом. Вот он пытается плыть, изо всех сил гребя руками и ногами, а сильные руки отца держат мальчика снизу. Но вдруг отец опускает руки. У мальчика начинается паника – ведь он остался без опоры! Но отец твёрдо говорит: «Плыви! Ты умеешь!» И Актеон поплыл...

«Господи! Как давно это было!» – с горечью подумал молодой человек. Воспоминания детства разбередили его душу. Он резко встал, ощутив под ногами мягкий песок, и тряхнул головой. Капли воды фонтаном разлетелись, сверкнув на солнце тысячами маленьких бриллиантов.

Актеон, не торопясь, вышел на берег, подошёл к дереву, в тени которого лежала его грязная одежда. Он поморщился: надевать её после купания совсем не хотелось. И вдруг в руках художника, как у фокусника, появился отрезок длинной ткани и сандалии. Он протянул всё Актеону.

– Спасибо! – обрадованно произнёс молодой человек на английском.

«Уверен, что ты понимаешь», – вдруг подумал Актеон, глядя в глаза слуге. Но лицо индуса было непроницаемо.

– Я готов, – сказал молодой человек и махнул в сторону, откуда они пришли несколько минут назад. Мужчина молча повернулся и зашагал по тропинке, едва заметной среди густой листвы кустов и лиан, опутавших деревья. Актеон поспешил за ним...

Вечер прошёл в «приятной беседе»; беседой её можно было назвать лишь потому, что переводчицей в ней была прелестная дочь хозяина. Она «вела» разговор двух мужчин – своего отца и Актеона, периодически бросая несмелые взгляды на гостя. За столом прислуживал второй слуга, совсем ещё мальчик. Он подливал вино в бокалы, делая это быстро и почти незаметно. Сам ужин был скромным, но очень вкусным. Актеон наслаждался едой и обществом прекрасной дочери хозяина. А ещё он наслаждался чистой одеждой и новыми сандалиями. Всё это ему преподнёс хозяин дома. Актеон был растроган щедростью приютивших его людей, ведь, как он уже понял, они не были богатыми.

В какой-то момент слуга вышел, а вернувшись, что-то прошептал на ухо хозяину. По лицу старика пробежала еле заметная тень недовольства. Он поднялся, попросил прощения у Актеона и удалился вместе со слугой.

В комнате наступило тягостное молчание. Девушка, опустив глаза, сидела не шелохнувшись. В тишине раздался голос Актеона:

– Где ты выучила английский? – спросил он.

– Я ходила в школу, – ответила девушка.

– Странно... я не увидел в деревне школы, – с удивлением заметил молодой человек. После купания он, проходя по деревне, успел окинуть взглядом немногочисленные строения. Всюду стояли хижины, старые и не очень. Но это были жилые дома.

– Много лет назад к нам в деревню пришёл человек, – голос девушки звучал, тихо и нежно. Актеон вдруг, почувствовал, как его сердце постепенно оттаивает. Душа настолько истомилась от скитаний, от тягостных раздумий о человеческом несовершенстве, что он вдруг остро ощутил то, что давно искал – умиротворение.

«Вот оно! – подумал Актеон. – Обычные люди, которым неведомы ложь, обман, предательство. Цивилизация ломает нас. Она несёт гибель всему человеческому, что есть в нас, и возвращает в состояние первобытных обезьян!»

– Он оборудовал свою хижину под школу... – донёсся издалека голос девушки. Актеон вздрогнул, он настолько глубоко погрузился в свои думы, что не слышал её рассказ. Она замолчала, подняла свои прекрасные глаза и посмотрела на Актеона.

– Почему ты замолчала? – нежно спросил он.

– Господин думает, – тихо ответила девушка. – Я не хочу мешать господину.

Произнесённое девушкой слово «господин» невольно вызвало улыбку у Актеона, его никто не называл «господином», но он промолчал, не желая обидеть юную хозяйку дома.

Пауза затянулась. Актеон поднялся. Девушка поднялась тоже.

– Господин что-то хочет? – еле слышно спросила она.

– Не называй меня «господином», – попросил Актеон.

Девушка молчала. Молодой человек не знал, дошёл до неё смысл его просьбы или нет.

– Я хочу выйти на улицу, – сказал Актеон и направился к выходу. Девушка бросила обеспокоенный взгляд ему вслед, но с места не тронулась.

Приятная ночная прохлада окутала Актеона. Он вдохнул полной грудью воздух и посмотрел в глубину ночного неба, усыпанного мириадами звёзд. Звёзды были так яркие и близки, что, казалось, протяни руку – и ты сможешь дотянуться до них. Среди этой дивной природы хотелось гнать от себя грустные мысли и просто смотреть в бесконечное небо.

Едва слышный шорох заставил Актеон обернуться. Около небольшого сарая, стоящего поодаль, он увидел старика и худого мужчину, который сопровождал Актеона на реку. Мужчины о чём-то негромко спорили. Затем худой открыл дверь сарая, вошёл внутрь и зажёл свет. Старик обернулся, как будто не хотел, чтобы их увидели. Актеон невольно отступил в густые заросли магнолии, растущей около хижины, и потому остался незамеченным.

Старик, уверенный, что его никто не видел, последовал за худым мужчиной и прикрыл за собой дверь сарая. Но этой минуты было достаточно, чтобы Актеон увидел то, что его удивило – в сарае были горы мужской и женской одежды, множество медной утвари, старые сундуки и обувь, которая беспорядочно валялась около входа.

– Господину надо вернуться! – неожиданно услышал Актеон. Голос был тихий, но настойчивый, молодой человек вздрогнул – девушка стояла за его спиной, а он даже не почувствовал её приближение.

Актеон хотел было спросить «Почему?» – но девушка приложила палец к губам.

– Господину надо вернуться! – уже взмолилась она.

Войдя в дом, Актеон сел на своё место. Девушка опустилась на ковёр около дивана, и устала в пол. Молодой человек с интересом рассматривал её, пытаясь понять, какие тайны скрывает этот дом. Но прекрасное лицо девушки не выражало ничего. И вдруг непонятно откуда взявшийся холодок, сжал сердце Актеона. Ему почему-то стало страшно. Он не мог понять, что именно его напугало. Актеон долго скитался по дорогам Индии и даже не думал об опасностях, которые могли его настигнуть. Но тут, сидя в уютном доме, он неожиданно почувствовал ту самую опасность, которая холодком пробежала по его телу.

Ход его мыслей прервал хозяин дома. Старик вернулся и, постоянно кланяясь, что-то начал говорить на своём языке. Девушка внимательно слушала речь отца и молчала.

«Странные мысли иногда приходят в голову», – подумал Актеон, глядя на говорящего мужчину. Но холодок не отпускал.

«С рассветом надо уходить отсюда», – подумал Актеон.

– Отец просит прощения, – перевела девушка, обращаясь к Актеону, – что заставил дорогого гостя скучать.

– Я не скучал... – Актеон попытался было оправдаться, но девушка, не останавливаясь, продолжала говорить:

– это недопустимо. Но иногда дела заставляют работать даже ночью, – твердила она.

Актеон несколько раз понимающе кивнул головой, глядя на хозяина дома.

– Я думаю, что наш гость устал после долгой дороги и ему необходим отдых, – продолжала индианка. – Да и всем нам пора отдохнуть. Завтра наступит новый день. Будут новые дела. И на это потребуются свежие силы.

Она замолчала и вопрошающе посмотрела на молодого человека.

«Сказали бы просто – пора спать! – невольно подумалось Актеону. – Зачем разводить такую церемонию!»

Но тут усталость сама вдруг тяжёлым камнем навалилась на него.

Ему вдруг и самому смертельно захотелось тут же лечь.

– Скажи отцу, что я благодарю его за спасение и приют, – Актеон понял, что ему тоже надо произнести речь, чтобы воздать дань уважения хозяину дома. Но мысли уже путались в его голове. Всё было как во сне.

Старик, услышав эти слова, приложил руки к груди и чуть помотал головой из стороны в сторону, давая понять, что ничего героического он не совершил.

– Я не хочу злоупотреблять гостеприимством этого дома и завтра с восходом солнца продолжу свой путь, – закончил свою речь Актеон.

Голос девушки слегка дрогнул, что не ускользнуло от чуткого слуха молодого человека. Он улыбнулся, но хозяин дома решил, что это предназначалось ему, и улыбнулся в ответ. Затем старик что-то сказал дочери, и она перевела Актеону:

– Комната для господина готова. Садхи проводит Вас.

Актеон впервые услышал имя худого мужчины. Тот сразу же вошёл в дом и поклонился.

«Значит, тебя зовут Садхи? Что же ты скрываешь, Садхи? Какую тайну?» – глядя на вошедшего, подумал Актеон. Молодому человеку показалось, что по равнодушному лицу индуса пробежала едва заметная волна то ли недовольства, то ли другой, непонятной Актеону эмоции. Создалось впечатление, что слуга прочитал его мысли и эти мысли ему не понравились.

«Я смотрю, в этом доме надо быть осторожным даже с мыслями», – подумал молодой человек.

Худой мужчина подошёл к ковру, висевшему на противоположной от входа стене, и откинул полог. За ковром неожиданно для Актеона оказалась другая дверь. Садхи открыл её и остался стоять на месте, держа край ковра.

– Там находится комната для гостей, – сказала девушка, – и господин может пройти туда.

Актеон повернулся к хозяину дома, приложил правую руку к сердцу и наклонил голову, выражая благодарность. Затем подошёл к распахнутой двери и вошёл в комнату. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Помещение было небольшим, но тоже очень чистым и уютным. В углу комнаты стоял столик на низких ножках, на котором горела старая керосиновая лампа. Рядом прямо на полу был расстелен матрас, на котором огромной горой лежали разного размера подушки. Противомоскитная сетка была прикреплена к потолку и защищала спальное место от насекомых.

Неожиданно за окном послышались раскаты грома. Актеон распахнул ставни – небо было затянуло грозowymi тучами. Вдалеке сверкнула молния.

– Ничего себе! – удивился он. – Вроде ничего не предвещало буйства стихии...

Актеон вспомнил грозы на его родине, в Греции. Мальчишкой он вместе с друзьями бегал по тёплым лужам и радовался дождю.

– Дааа... – невольно передёрнул он плечами, – Вот сейчас я точно не хотел бы оказаться на улице...

Молодой человек ещё раз оглядел комнату, подошёл к матрасу, откинул сетку и лёг.

Перед ним вновь замелькали обрывки его жизни: детские годы... учёба в университете... беседы с отцом... первая служба... миссия в Африку, возвращение, а затем, отъезд в Индию...

Покоя в душе не было. Что-то необъяснимое не давало провалиться в сон. Но наконец он забылся и уснул...

Спал Актеон беспокойно. Стук дождя по стеклу в его сне был похож на барабанную дробь, которая колотила по каждой клеточке мозга. «Как я мог? Как я мог?» – в ритм барабану стучали слова. Мужчина метался во сне и никак не мог найти успокоения. Вдруг он открыл глаза и резко сел – в окно кто-то постучал. Стук был негромким, но настойчивым.

Актеон замотал головой, прогоняя остатки тяжёлого сна. Затем встал, подошёл к столу, взял керосиновую лампу и приблизился к окну. Он увидел фигуру в белом. Девушка, завернувшаяся в накидку, испуганно смотрела из темноты ночи.

Актеон открыл окно.

– Тебе нужно бежать, – почти беззвучно проговорила она дрожащими то ли от холода, то ли от страха губами.

– Почему?

– Тсс... – девушка посмотрела по сторонам. Было видно, что она кого-то или чего-то боится. – Не спрашивай ничего. Просто уходи!

– Но почему? – ещё раз переспросил Актеон.

– Тебе грозит опасность... Пожалуйста, уходи! – девушка молитвенно сложила на груди руки. И тут Актеон увидел, что она плачет. По её щекам катились слёзы, смешиваясь с каплями дождя. Он не заметил этого в начале разговора. Молодой человек протянул руку и нежно дотронулся до её щеки.

Девушка закрыла глаза. Улыбка тронула её губы. Но тут же, очнувшись, она горячо зашептала:

– Уходи! Заклинаю всеми богами – уходи! Тхаги!

Тхаги, туги – убийцы, поклонники богини Кали, Актеон решил не искушать судьбу и последовать совету красавицы.

– Но мне надо попрощаться с твоим отцом и поблагодарить за гостеприимство... – сам не зная почему, Актеон тянул время. Он поймал себя на мысли, что не хочет расставаться с девушкой.

– Я передам твои слова отцу, – пообещала красавица. – Но ты должен поторопиться!

Актеон посмотрел на рюкзак, брошенный около кровати, и посох, одиноко стоявший в углу около двери.

Он снова посмотрел в окно, но девушки уже не было. Только дождь продолжал тяжёлыми каплями стучать по листьям деревьев и цветам, пригибая их головки почти к самой земле...

– Как не хочется снова под дождь, но... – с этими словами он подхватил одной рукой рюкзак и посох, а второй оперся о подоконник и выпрыгнул в окно. Ему не хотелось покидать уютную комнату и идти неведомо куда в такую погоду. Но волнение и страх в глазах девушки поселили в душе молодого человека уверенность, что ему необходимо последовать её совету.

Одежда и рюкзак промокли в доли секунды. Какое-то время Актеон пытался хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, но это было бесполезно, и он осторожно начал двигаться по единственной тропинке, ведущей мимо деревенских домов. Он, как слепец, посохом обследовал дорогу, стучал по земле, и внимательно глядел себе под ноги, чтобы не потерять её и не упасть. Было страшно сбиться с пути и забрести в джунгли, которые не допускают легкомысленного отношения к ним. Никому не известно, сколько людей поглотил этот зелёный рай за сотни и тысячи лет.

Хлюпая ногами по лужам, он не замечал мокрой одежды и тяжёлого рюкзака, набухшего от воды. Постепенно ливень превратился в небольшой дождь, а потом и вовсе прекратился. При малейшем прикосновении к листьям, на Актеона обрушивался новый дождь. На востоке чуть посветлело, и ночной сумрак постепенно стал уступать место утреннему свету нового дня.

Близоруко шурясь, Актеон шёл в белесой дымке, окутавшей дорогу. От деревьев, от земли, от самого мужчины вверх поднимался пар, рваными клочьями покрывая всё вокруг. От быстрой ходьбы и влажности дышалось тяжело.

– Ещё немного, и у меня вырастут жабры. Надо бы найти сухое место для привала и высушить одежду...

Он остановился и осмотрелся вокруг. Уходящую вперёд тропу закрыли густые заросли кустарников и ветки деревьев, сплетённых между собой лианами. Сзади была такая же картина: над тропой смыкались зелёным куполом джунгли. Сквозь редкие прорехи в листве было едва видно небо. Его насыщенные бархатные краски уже потихоньку разбавлялись утренним светом с восточной стороны. Крик неизвестной птицы пронзительно резанул слух Актеона и заставил его вздрогнуть. И вслед за этим криком то тут, то там слышались другие звуки – джунгли просыпались после ночного забвения.

Вдруг где-то позади еле слышно хрустнула ветка. Актеон напрягся, крепче сжимая посох. Но звук больше не повторился. И молодой человек решил, что ему это просто померещилось.

Небо светлело. Туман становился гуще. Неожиданно Актеону стало легче дышать. Он сделал несколько шагов по тропе, и перед ним предстала удивительная картина: лёгкий утренний ветерок раскидал остатки тумана по небольшой равнине, с трёх сторон окаймлённой горами, вершушки самых высоких гор ослепляли своей белизной – это был снег, который никогда не таял. Склоны других гор кое-где были покрыты лесами. Между горами пролегло едва заметное ущелье. Маленькая речка бурно неслась по камням. Шум мчащейся воды эхом отдавался от склонов гор, увеличивался и поднимался вверх. Актеону на миг показалось, что он слышит звук локомотива, на всех парах несущегося вперёд.

Мужчина оглянулся. За его спиной джунгли стояли ядовито-зелёной стеной. Туман местами вырывался из густой листвы. Казалось, что джунгли кипят. Крики птиц и жужжание миллионов насекомых усиливали это впечатление. А перед ним была прозрачная чистота, наполненная шумом бегущей воды. И в этот момент ему показалось, что он стоит на границе двух миров. Молодой человек раскинул руки в стороны, закрыл глаза и вдохнул полной грудью. Он любил горы. Он любил шум воды. Кажется, вот она – гармония чувства и разума! Он оказался там, куда так долго стремился...

Снова слышался хруст ветки. Актеон резко обернулся и застыл от изумления – из джунглей выходил Садхи с мотыгой на плече. Наш герой почувствовал холодок, предательски сжимающий его сердце.

Мужчина вежливо поклонился, не поднимая глаз, подошёл ближе и остановился на почтительном расстоянии от Актеона.

– Что тебе, Садхи?

– Мой господин, – Садхи ещё раз поклонился, говоря о своём хозяине, – обеспокоился, не найдя гостя в его комнате. Вы оскорбили моего господина своим неуважением, – слуга выпрямился, но глаз на Актеона не поднимал, терпеливо ожидая ответа.

Актеона удивила речь слуги на английском языке, но вида он не показал.

Он мог бы сказать, что попросил дочь хозяина передать слова благодарности за гостеприимство, но не хотел впутывать девушку, зная о жестоких нравах Индии.

– Я сказал накануне вечером о своём решении уйти на рассвете, – Актеон в упор смотрел на Садхи. – И ещё вчера поблагодарил твоего хозяина за всё.

Почему-то не хотелось дальше продолжать разговор. Худой мужчина внушал ему едва уловимое чувство опасности. Почему? Актеон не смог бы ответить на этот вопрос даже самому себе. Что-то настораживало его во всём облике Садхи, в его манере подобострастно склонять голову, в тихом голосе.

– Но вы забыли свою одежду, – слуга, продолжая смотреть вниз, достал из-за спины узелок и склонился в почтительном поклоне.

Молодой человек протянул руку. И в этот момент свёрнутый жгутом платок обвил шею Актеона, не давая дышать. Он почувствовал холод от металла – в один конец платка был вшит кусочек свинца для утяжеления и лёгкого захвата жертвы.

Актеон напряг мышцы, не давая возможности противнику сжать удавку до конца. Он быстро переложил посох в левую руку и упёрся им в землю. Правой рукой резко дёрнул за платок и наклонился. Тот, кто напал на молодого человека, не ожидал такого сопротивления. Хватка ослабла, а сам человек перекатился через спину Актеона и упал перед ним на траву. Это оказался хозяин дома – старик, спасший его от кобры и приютивший на ночь. В это время Садхи быстрым движением выхватил из рукава другую удавку, сплетённую из нескольких тонких полосок кожи.

– Кали! Кали! – дурным голосом завопил он и набросил удавку на шею Актеона.

Но вопль, изданный Садхи, отрезвил Актеона. Он успел прижать посох к груди, чтобы удавка не смогла окончательно сомкнуться вокруг его шеи.

Старик попытался подняться с земли, но Актеон помешал ему, поставив на него одну ногу. Позиция молодого человека была невыигрышной. С одним противником было легче справиться, чем с двумя.

Садхи с яростью потянул удавку на себя. Его глаза налились кровью от натуги и злости. Он никак не ожидал встретить сопротивление от Актеона. Это взбесило его ещё больше.

– Кали! Кали! – фальцетом закричал он во второй раз. Эхо пронеслось по ущелью.

Актеон начал поворачивать посох по часовой стрелке. Но вместо облегчения молодой человек почувствовал, как кожаная плётка, обжигая, сильнее вонзается в его кожу. Он ухватился за удавку обеими руками, пытаясь вырвать плётку из рук Садхи. Тот тоже ухватился двумя руками за сплетённую косичкой кожаную верёвку, изо всех сил упираясь ногами в землю. Но его сандалии скользили по мокрой траве, и индус начал медленно приближаться к Актеону.

– Кали! Кали... – злобно шипел Садхи, с ненавистью глядя в глаза Актеона.

Между мужчинами завязалась нешуточная схватка. Физически Садхи был слабее молодого и атлетически сложенного Актеона. Но ненависть придавала ему нечеловеческую силу.

Они неотрывно смотрели друг другу в глаза. Каждый хотел победить в этой схватке. Один жаждал жертвы в честь чёрной богини смерти. А второй пытался спасти свою жизнь.

Тем временем старик, видя, что Актеон сконцентрировал всё внимание на схватке с Садхи, схватил ногу молодого человека за лодыжку и дёрнул её в сторону. Несмотря на почтенный возраст, он резво поднялся на ноги и потянул край свёрнутого жгутом платка на себя.

Актеон почувствовал, как платок сжимает его горло, не давая дышать. Лоб молодого человека покрылся испариной, а в глазах появились мелкие точки. Он почувствовал, как кожаная удавка начала медленно выскользывать из его рук. Он уже не мог удерживать её. Силы покидали Актеона, а вместе с ними уходила и его жизнь...

Детство и юность Актеона

Отец Актеона был уважаемым священником. Он много лет имел приход в небольшой деревеньке. Был сдержан в еде и скромен в быту. Люди со всей округи шли к нему за советом, и в любое время суток около дверей его дома толпился народ.

Для прихожан громом среди ясного неба стала новость о том, что он влюбился. В провинциальных городках ничто не может утаиться от вездесущих глаз местных сплетниц. О романе между священником и юной девушкой судачили всюду. И он написал прошение о низложении с себя сана и желании уйти в мирскую жизнь ради любимой.

Разразился скандал. В городок приехали высокопоставленные духовные лица из города и пытались образумить отца Актеона. Ему пригрозили отлучением от церкви.

Отец Актеона пошёл на серьёзнейший шаг и ни разу ни о чём не пожалел.

Влюблённые покинули городок и переехали в другую часть Греции, где их не знали. Они поселились в маленьком домике на берегу моря и через год стали счастливыми родителями – в их семье, где всегда царила любовь, появился первенец, которого назвали Актеоном.

Здоровый малыш был похож на красавицу мать, поражая всех безупречными чертами лица и белокурыми локонами.

Актеон рос смышлённым ребенком. Он рано научился читать и писать. Отец гордился сыном и просиживал с ним часами, беседуя на разные темы, несмотря на то что Актеон был еще мал. Мальчик поражал знаниями в разных вопросах.

У родителей Актеона было общее увлечение – альпинизм. Отец всегда держал себя в отличной физической форме, занимаясь гимнастикой и бегом, и уже в зрелом возрасте имел атлетически сложенную фигуру и бодрый дух. Родители брали сына с собой, когда отправлялись за границу. И он с детства впитал в себя красоту гор и свежий воздух альпийских лугов.

– В здоровом теле – здоровый дух! – любил повторять отец. Выросший на философии Древней Греции, он привил мальчику любовь к родной стране.

– Ты посмотри, как прекрасны их тела! – восхищался он древнегреческими скульптурами, найденными во время раскопок. – Но запомни, сынок, – отец внимательно посмотрел на Актеона, – даже самое совершенное тело надо поддерживать красотой ума. Потому что ещё Платон сказал, развитое тело с неразвитым умом так же уродливо выглядит, как и развитый ум в неразвитом теле. В человеке всё должно быть гармонично, – отец присел на корточки. – Поэтому никогда не позволяй себе лениться. Совершенствуй тело и стремись к высотам познания.

* * *

Шло время. Актеон учился в школе, заводил друзей, дрался на переменах, лазил по деревьям и дёргал девчонок за косы.

Однажды родители сказали, что едут в Гималаи, покорять новые высоты. Путешествие было опасным, и родители отправили сына к тётке, двоюродной сестре отца, которая жила в Италии.

Своих детей у неё не было, а муж давно умер. Она, в отличие от брата, исповедовавшего православие, была рьяной католичкой. Женщина приняла мальчика без особого энтузиазма. Отречение отца Актеона от сана ради молоденькой девушки стало для неё сильным потрясением. И идею поехать в Тибет она также восприняла крайне отрицательно.

Не прошло и месяца, как пришла весть о том, что родители Актеона погибли в горах. Так в один день Актеон стал сиротой. Ему было 12 лет.

Для мальчика известие о смерти родителей стало ударом. Он перестал есть, разговаривать и категорически отказывался идти в школу.

Перепробовав всевозможные способы увещевания, тётя отвела Актеона в католическую церковь и попросила помощи у местного священника – пожилого мужчины, принявшего приход полвека назад.

С этого момента старый священник заменил Актеону отца. Старик и мальчик вели беседы, такие же долгие, как когда-то разговоры с отцом, и находили ответы на все вопросы, мучившие юного Актеона.

От его пытливого ума ничто не могло ускользнуть. Он видел, что взрослые люди часто лгут друг другу, насмеваются над простачками, женщины обманывают мужчин, а мужчины – женщин, богатые – бедных, а бедные – богатых... И все думают только о своей выгоде.

Актеона всегда волновал вопрос: если лгать и обманывать нельзя, то почему люди делают это?

– Человек слаб, – говорил в таких случаях старый священник, – и надо терпеливо относиться к людям.

– Но почему они не ведут себя так, как заповедано? – искренность Актеона подкупала его наставника.

– Потому что человек – вместилище грехов, – встрял в разговор младший дьякон, чистивший в этот момент подсвечники от воска, накапавшего со свечей.

Он отличался уродливой внешностью и сварливым характером.

– Зачем ты так? – обратился священник к нему. – Не все люди грешны, – он посмотрел на Актеона и ласково потрепал его непослушные волосы. – Дети рождаются безгрешными...

– Ага, безгрешными! – дьякон оторвался от своей работы, повернулся к старику лицом и встал, подперев руками бока. – А как же первородный грех? – противным фальцетом произнёс он.

Старый священник посмотрел на дьякона и сказал:

– Да, если следовать нашей вере, дети рождаются в первородном грехе.

– А! Значит, вы со мной согласны, святой отец? – ехидно сощурился маленькие глазки, спросил дьякон.

– Но я уверен, что в грехе рождаются только те дети, что были зачаты без любви, – парировал священник.

Дьякон не ожидал такого поворота и не знал, что ответить. Он с угрюмым видом отвернулся и продолжил чистить подсвечники.

Актеон, видя, что взрослые замолчали, улучил минутку и снова обратился к своему наставнику.

– А дети все рождаются злыми, как он? – Актеон кивнул в сторону дьякона.

Воцарилось неловкое молчание. Старый священник молчал, подыскивая правильные слова, чтобы деликатнее сформулировать ответ.

– Ах ты, паршивец! – взвизгнул дьякон и замахнулся тряпкой, которой натирал подсвечники.

– Оставь нас! – строго сказал старик, обращаясь к нему. – Я хочу серьёзно поговорить с Актеоном.

– Всё разговоры с ним разговариваете! А ему поможет только одно средство – хорошая порка! – с этими словами дьякон вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Священник удобнее расположился на деревянном кресле, поставил локти на подлокотники, сложил ладони домиком и ласково посмотрел на Актеона.

– Сынок, – начал он, – я понимаю, что ты ещё мал, и многого не понимаешь. Но нельзя неуважительно разговаривать со взрослыми...

– А почему он... – перебил священника Актеон.

Старик приложил палец к губам мальчика.

– Тсс! – продолжил он. – А ещё старших нельзя перебивать. Ты меня понял?

Актеон кивнул.

– А почему нельзя сказать человеку, что он – злой? И тётя моя – тоже злая! Она не любит меня! – выпалил Актеон. – Если мои родители были бы живы, они любили бы меня... – на глаза Актеона навернулись слёзы.

– Твои родители гордятся тобой, Актеон, – ласково сказал священник.

– Откуда вы знаете? – выпалил Актеон, утирая рукавом нос. – Ведь они умерли.

– Твои родители сейчас на небесах. И оттуда могут наблюдать за тобой. Их любовь будет сопровождать и охранять тебя всю твою жизнь, – священник смотрел в заплаканные глаза Актеона и печально улыбался.

Мальчик заворожённо слушал старика, ловя каждое его слово.

– Господь справедлив, – продолжил свою речь священник. – Но иногда он посылает людям испытания, чтобы мы стали сильнее.

– Ага! И моё первое испытание – это тётя! – печально констатировал Актеон.

Старый священник вздохнул.

– Твоя тётя прожила непростую жизнь, – начал он издали. – И некоторые жизненные моменты наложили на её характер, скажем так, несколько негативные оттенки...

Актеон внимательно слушал и очень старался понять его слова. Но в силу нехватки жизненного опыта ему было очень трудно представить, что такое «непростая жизнь» и «несколько негативные оттенки».

– А она не может быть просто доброй? – казалось бы, простой вопрос ребёнка обескуражил священника. – Ведь даже Боженька говорит: «Любите друг друга».

– Чтобы следовать всем заповедям, – задумчиво произнёс священник, – нужно быть очень сильным и смелым человеком. Но далеко не каждому это дано. Запомни это, Актеон! Когда ты вырастешь, то поймёшь, насколько тяжело быть настоящим праведником. А служение Богу – двойная ответственность: перед Всевышним и перед людьми. Ведь священник как на ладони – прихожанам виден каждый его шаг, каждый поступок, каждое слово. И ему не прощают ни одного промаха. Оступишься – и тебя тут же втопчут в грязь. Отмыться священнику после этого невозможно.

– Так было и с моим отцом? – после паузы спросил Актеон.

– Мальчик мой, твой отец был достойным человеком, он отошел от Церкви, но не перестал верить и любить. Бог послал ему испытания по силам его. Каждому они даются в этой жизни.

Актеон слушал старого священника, и в его душе рождалось новое, необычное чувство. Именно в этот момент Актеон решил тоже стать священником – правильной и сильной личностью. Мальчику так захотелось быть добрым, как его наставник, что он тут же заявил тёте, что хочет посещать воскресную католическую школу при церкви.

– Господь услышал мои молитвы! – прослезилась она.

* * *

Время неумолимо летело вперёд. Актеон закончил школу и готовился к учёбе в католическом университете. Экзамены были уже позади. А впереди – новая, неизвестная, но такая манящая взрослая жизнь.

Мальчик превратился в красивого юношу. Занятия греко-римской борьбой сделали тело сильным, а характер бесстрашным.

Наконец настал день отъезда.

– Вот там-то ты и отмолишь грехи своих родителей, – прошипела тётка, собирая его нехитрые пожитки в чемодан.

Католический университет

Учёба в университете давалась Актеону легко. Он много времени проводил в библиотеке, самостоятельно изучая древние языки, мировые религии, историю и философию. События, происходившие в реальном мире, политика и экономика также были ему не безразличны.

Анализируя весь этот массив информации, Актеон задавался вопросами, ответов на которые не мог найти в книгах. А выводы, которые делал сам, пугали его.

Почему Бог выгнал людей из Рая только за то, что они ослушались его и вкусили плод древа познания? Почему потом опять решил поучаствовать в их судьбе? Есть ли положительная роль в судьбе человечества противника Бога? Эти вопросы были у него к христианству.

Но не меньше вопросов было и к другим религиям. Почему, например, мусульмане так хотят попасть в свой Рай, и заниматься там всем тем, что считается греховным в их настоящей земной жизни? Или буддизм, который призывает к полному отходу от реальности. Что будет, если все поголовно погрузятся в состояние пранаямы? Человечество точно тогда погибнет, причем очень скоро!

Волновали Актеона и вопросы, связанные с личностью самого человека – священника, который несет веру людям, каким он должен быть, какими нравственными качествами обладать?

Однажды отец Иоанн – один из наставников в университете – стал свидетелем спора между старшекурсниками, среди которых был Актеон. Речь шла о роли священника в жизни простых прихожан.

Разгорячённый спором молодой человек говорил о том, что каждый священник обязан не только вещать о праведной жизни, но и сам, своим примером следовать заповедям.

– Задача Церкви – научить человека бороться с грехом, а не просто читать скучные проповеди, которые, как правило, никто не слушает! Нужно учить людей не замаливать свои грехи, а совершенствовать себя и стремиться к тому, чтобы греху не было места в нашей жизни! – горячо закончил он свою речь.

Отец Иоанн улыбнулся. Юноши напомнили ему его самого, когда он тоже был студентом и спорил со своими братьями по вере. Он был горд за своих воспитанников. У каждого была мечта – быть не просто хорошим священником, а стать лучшим. Хотя, большинство молодых людей уже сейчас больше интересовали их карьера и привилегии, которые они будут иметь.

– Но человек – слаб! – возразил один из сокурсников Актеона. – И не надо сбрасывать со счетов, что священник – прежде всего человек!

– Когда окончательно принимаешь решение посвятить себя служению Господу, то во главу угла становится вера. Сначала священник – потом человек! – воскликнул третий. – Ведь каков пастух, таково и стадо!

– Согласен! – поддержал его Актеон. – Именно такой выбор определяет приоритеты! Что ты поставишь во главу угла? – риторический вопрос был задан всем присутствующим. – Быть первостатейным священником и нести слово Божие людям? Стать сильным? Безупречным в своей вере? Или остаться человеком, который не может совладать с искушениями?

– А что думаете вы, отец Иоанн?

Но тут раздался звук колокольчика – перерыв закончился.

– Жизнь покажет, – уклончиво ответил отец Иоанн. – А пока поторопитесь в аудитории. Студенты весёлой гурьбой, продолжая спор, ринулись к дверям.

Пожилой наставник, не торопясь, шёл позади всех и задумчиво смотрел на юношей. Когда-то и он был таким же молодым и горячим, но жизнь пролетела, как одно мгновение, а он многого из задуманного не успел. Да уже и не хотел...

Лето, когда выпускался Актеон, запомнилось частыми дождями. Выпускники шутили, что сами Небеса благословляют их.

Накинув на головы капюшоны и высоко подняв рясы, вчерашние юноши, а сегодня – новоиспечённые священнослужители перепрыгивали через лужи, направляясь из церкви в университет. Все преподаватели, воспитатели, наставники и студенты собрались в актовом зале после молитвы.

Директор университета, водрузив на нос очки в толстой костяной оправе, зачитал список приходов и имена выпускников, которые туда направлялись.

Первые 180 дней каждый выпускник должен был прослужить в назначенном приходе диаконом под началом местного епископа. В течение этого времени епископ внимательно присматривался к выпускнику, чтобы удостовериться в его искреннем желании продолжить служение Господу. После этого давался обет безбрачия, и только затем епископ мог рукоположить диакона в сан священника.

Молодым людям нужно было не только участвовать в дневных мессах, воскресных службах, праздниках и часто исповедоваться, но и продолжать изучение духовных книг, а также выбрать себе в качестве покровителя одного из католических святых.

Призвание и познание – две важнейшие вещи, которые требовались от выпускников в начале их карьеры, и которые давали основание для положения их в сан: окончательная твёрдость в своём призвании быть священником и познание Бога на протяжении всей своей жизни...

Актеон, слушая монотонный голос директора, совершенно не сомневался в своём выборе. Ему было всё равно, куда его направят. Главное, нести людям слово Божие.

Наконец список был зачитан полностью. Актеону достался приход в небольшом итальянском городке на берегу моря. Он был счастлив – его юношеская мечта стала реальностью!

Директор университета подошёл к отцу Иоанну:

– Поздравляю вас! На моей памяти это – второй сильный выпуск за десять лет моей службы на этом посту. Вы вправе гордиться своими студентами. Из каждого выйдет хороший священник!

Старый священник вздохнул:

– Лучше бы они ничем не отличались от других выпусков.

– А вы пессимист, однако, – усмехнулся директор.

Отец Иоанн смотрел на Актеона – молодой человек купался в поздравлениях – он был лучшим студентом курса. Его глаза сияли от осознания того, что весь мир – перед ним, и он смело пойдёт по жизни. Глаза его друзей тоже светились. Но среди этих горящих глаз нет, да проскальзывал болезненный блеск другого рода – зависти, обыкновенной человеческой зависти.

– Как же быстро это начинается... – прошептал он.

Выпускники подняли Актеона – умницу и заводилу – на плечи и, чувствуя его университетские заслуги, несли между рядами. Студенты-первокурсники с восхищением смотрели на героя дня. Старшие студенты подпевали выпускникам. А сам Актеон дирижировал хором.

– Будь осторожен, – печально вздохнул отец Иоанн, глядя на Актеона, – иначе тебе будет больно падать в этой жизни, когда твой юношеский запал иссякнет.

Приход Актеона

Актеон даже не заметил, как пролетели шесть месяцев в качестве диакона. Епископ был доволен вчерашним выпускником. Рвение молодого человека, его послушание, знание канонов и догматов импонировало епископу. Поэтому, когда настал день рукоположения в сан, он не сомневался ни минуты.

Актеону показалось, что у него выросли крылья. Его мечта – стать достойным священником – шаг за шагом превращалась в реальность.

– Надеюсь, ты не подведёшь меня, – напутствовал его епископ.

Новый епископ встретил Актеона радушно.

Когда Актеон прибыл на место своей постоянной службы, было далеко за полночь. Но епископ не спал – бессонница была его подругой уже последних нескольких лет.

Старик сидел на широкой кровати. Под его спину было подложено множество подушек – он уже давно спал полусидя из-за больного сердца. Рядом на кровати были разложены раскрытые журналы на теософские темы и исписанные размашистым почерком листы бумаги.

Служка – мужчина в годах с заметным горбом на спине – с подобострастием подоткнул ему подушки.

– Довольно! Оставь нас, – махнул на дверь рукой старик.

Взгляд горбуна не понравился Актеону. Но в последний момент лицо служки озарилось такой милой улыбкой, что Актеону стало неловко от испытанной им неприязни.

«А он неплох, – подумал епископ, – разглядывая юношу, – Это значит, что в приходе будет больше женщин, которые придут поглазеть на красавца-священника. А если он ещё умён и талантлив...»

– Садись, сын мой!

Актеон почтительно поклонился, протянул верительное письмо епископу и только потом опустился в кресло.

Старый епископ взял в руки письмо, сорвал печать и начал читать.

Актеон обратил внимание, что руки старика немного тряслись.

«Сколько же ему лет?» – молодой священник терпеливо ждал, когда епископ ознакомится с письмом.

Старик закончил чтение, посмотрел пытливым взглядом на Актеона и стал задавать вопросы, которые касались не только знаний канонов католической церкви. Его в первую очередь интересовали взгляды самого Актеона.

Когда беседа подошла к концу, старый епископ удовлетворённо кивнул головой и устало откинулся на спину.

– Могу ли я помочь вам чем-нибудь? – обеспокоенно спросил Актеон.

– Ты же не можешь вернуть мне молодость? – улыбнулся епископ и озорно подмигнул ему. – А сейчас иди отдыхай, завтра будет новый день, и мы продолжим наше знакомство.

Актеон поднялся и потянулся к безвольно лежащей поверх одеяла руке с перстнем.

– Оставим эти условности, – он едва шевельнул пальцами правой руки, – сегодня я очень устал...

Актеон поклонился и вышел...

* * *

Первый год службы Актеона был тяжёлым – молодому священнику приходилось не только вести службы, исповедовать прихожан, но и пополнять казну для ремонта своей маленькой церкви.

Но Актеон был полон энергии. Он писал статьи на церковные темы, вёл переписку с коллегами, открыл воскресную школу для детей прихожан, занимался благотворительностью и по мере возможности восстанавливал старую церковь.

Вскоре слава об интересных и искренних проповедях молодого красавца-священника разнеслась по окрестным городкам, и люди толпами приходили их послушать. Церковная казна пополнялась благодаря щедрым пожертвованиям. Молодой священник был горд – его приход приносил не малую толику денег в общее дело католической церкви.

Но неожиданно для себя он столкнулся с другими проблемами – более важными, чем проведение служб и работа с прихожанами.

Актеон увидел, как разнятся люди, их исповеди, их слова и поступки в деревне и городе.

Деревенские жители, живущие далеко от цивилизации и изнурённые ежедневным трудом, были ближе к природе и искреннее в своих исповедях. Они жили сегодняшним днём, особо не уповая на завтра, которое может и не наступить. Поэтому им не надо было лгать самим себе и другим, чтобы казаться лучше, ведь они все были на виду друг у друга, как на ладони.

Иначе обстояло дело с горожанами. Общество навязывало им определённую манеру поведения, которой они следовали всю свою жизнь, совершенно не задумываясь, правильно это или нет? На исповедях Актеон видел, что люди истово каются в совершённых грехах. Но, выйдя за пределы церкви, они продолжают лгать, изменять, воровать, лицемерить. Глядя на прихожан, Актеону казалось, что они ходят в церковь для «галочки», а вера в Бога у них лишь на словах.

А ведь Актеон, в котором ещё не иссяк юношеский максимализм, был уверен, что он-то как раз сумеет с достоинством нести слово Божие, чтобы люди становились лучше и добрее. Но в жизни получалось иначе.

Актеон понимал, что за много веков посещение церкви стало неким ритуалом – воскресенье наступило, и надо всей семьёй отправиться в храм, чтобы помолиться и попросить у Господа то, что нужно – деньги, здоровье, счастье. Идут века, а проблемы у людей – одни и те же. Но при других обстоятельствах даже особо ретивые в вере прихожане могли показать своё истинное – лицо.

– Почему так? – задавал сам себе вопрос юноша, – Почему люди так поступают?

В первое время он пытался говорить об этом со старым епископом, но тот постоянно ссылался то на мигрень, то на несварение желудка. И Актеон оставил тщетные попытки найти себе достойного собеседника. Он сам начал не просто наблюдать за прихожанами, а занялся серьёзным анализом.

Для начала он решил разобраться, почему люди несчастливы в браке. Ведь юноша и девушка, решив создать семью, уверяли Актеона в том, что они любят друг друга.

Но уже через несколько месяцев после свадьбы у молодожёнов начинались скандалы. Возможно, суть проблемы кроется в иллюзиях, которые каждый создаёт сам. Но в реальной жизни иллюзии рассыпаются, и молодые люди начинают обвинять друг друга во всех грехах. И это – не их вина, а их беда.

Иллюзии заменили людям любовь, а воспитание, данное каждому в родительской семье, только увеличивало пропасть между супругами. Каждый думает о себе и пытается навязать другому свои правила игры. На смену влюблённости приходит разочарование, а потом раздражение друг другом. Но уже поздно менять что-либо в своей жизни – дети, совместное имущество и стереотипы, навязанные социумом, обязывают продолжать нести бремя семейной рутины.

Зачем, собственно, люди вступают в брак? Они боятся! Одиночества, неизвестности, боятся не быть «как все», боятся осуждения или насмешек со стороны так называемого благополучного общества. Люди завясят от всего этого! И самое интересное, что, будучи сами несчастливы в браке, они призывают своих детей идти тем же путем!

– Все так живут, – очень часто слышал Актеон на исповедях, когда к нему приходили супруги, – И мы так живём, – печально констатировали они.

«Выражение благополучия на лицах прихожан – это всего лишь маска! Я же знаю, как живут здешние семьи, их исповеди показывают мне настоящие лица людей. Бедные мечтают о богатстве, а богатые пекутся о сохранении и приумножении своих денег. И те и другие несчастливы, потому что одни не имеют, а вторые боятся потерять», – Актеон, откинувшись в удобном кресле, застыл в задумчивости.

Точно так же обстоит дело и с работой. Страх её потерять и остаться без средств к существованию заставляет людей держаться за скучную и порой изматывающую работу, ненавидя начальство и своих коллег и зачастую выплёскивая негатив на супруга и детей.

Кругом была одна ложь-ложь в семье, ложь на работе, ложь в вере.

А монахи, которые отреклись от светской жизни – так ли искренни они в своих стремлениях? Получают ли они радость от избранного пути? На словах твердя о любви к Богу, на деле эти люди думают о своем превосходстве над остальными, упиваясь своим предназначением и собственной значимостью!

Актеон уставился невидящим взглядом в точку перед собой. А ведь последняя мысль непосредственно касалась и его самого...

Так прошло пять лет. За это время его взгляды во многом изменились.

Человек всегда подсознательно понимает, когда занимается чем-то совсем не тем, о чем мечталось в юности. Но существующая система быстро ломает его и ставит на место. Расхожая фраза «Все так живут!» – не оправдание. Но всех устраивает такая жизнь двойного – и даже тройного! – лицемерия, все принимают это как данность и неизбежность – извлекать выгоду из всего: из любви, из дружбы, из любых отношений.

И зачастую настоящей отдушиной для людей было посещение церкви по воскресеньям. Особую радость приносили Рождество, Пасха, именины, крестины, свадьбы и, как ни кощунственно это звучит, чьи-то похороны.

Вторая отдушина – телевизор, самое доступное зрелище в наше время, хотя город давал обывателям больше развлечений – рестораны, кинотеатры, театр. Но именно город был и источником больших соблазнов.

Актеона удручал тот факт, что люди не хотят думать. Всё свободное время они тратили на развлечения. Молодёжь или тусовалась в ночных клубах, или бесцельно слонялась по городским улицам в поисках приключений.

Старшее поколение сидело в кафе и ресторанчиках, праздно попивая сухое вино и перемалывая косточки соседям и знакомым.

Актеон понимал, что он ничем не лучше остальных прихожан. Мы все не живём, а просто убиваем время.

В обязанности Актеона как священника входило посещение местной тюрьмы. Здесь жизнь протекала по своим, более суровым правилам. Это был совершенно другой мир.

Актеон никогда не забудет свой первый визит в это мрачное место.

Когда тяжёлые ворота за Актеоном закрылись, он физически почувствовал на себе взгляды охранников и заключённых, подметающих тюремный двор. Путь от тюремных ворот до административного здания, где Актеона ждал начальник тюрьмы, показался ему длиной в километр.

Тюремный социум, с которым столкнулся молодой священник, был жёстким и не укладывался в стройную систему его предыдущих умозаключений. До этого он мог наблюдать жизнь обычных прихожан, которые отличались друг от друга только местом проживания и достатком. Но тюрьма была особым миром.

Актеон, постепенно знакомясь с заключёнными и охранниками, неожиданно для себя осознал, что тюрьма – это модель общества в миниатюре. Здесь тоже была иерархия – силь-

ный и влиятельный преступник окружал себя сторонниками, готовыми выполнять каждое его желание. Те же, в свою очередь, находили себе тех, кто был слабее и не имел весомого авторитета. И так происходило до самой низшей ступени тюремной иерархии.

То есть каждый индивидуум находил более слабого, чтобы поднять в собственных глазах свою значимость.

То же самое было и в обычном обществе горожан. Просто в тюрьме это было видно очень ясно, там было только два цвета – белый и чёрный. И всех, кто пытался сопротивляться и пользоваться полутонами, тюрьма безжалостно перемалывала.

Актеон исповедовал в тюрьме не только заключённых. Охранники тоже охотно делились с ним наболевшим. Молодой священник столкнулся с тем, что всё общество больно – кто-то разуверился в справедливости, кто-то подсиживал более удачливого коллегу, кому-то изменяла жена, кто-то сам изменял жене, кто-то ненавидел начальство, считая его виноватым в том, что жизнь не удалась.

Когда подходила очередь исповедоваться заключённым, Актеон никогда не знал, какой спектакль его ждёт. Некоторые уголовники дурачились, говоря ему то, что он хотел услышать, и тем самым пытаясь обмануть священника. Он внимательно слушал длинные, душещипательные рассказы о семье, оставленной на воле, о несправедливости жизни и мысленно улыбался. Актеон вступал в диалог, умело задавал наводящие вопросы и выводил заключённого на чистую воду. Поняв это, люди реагировали по-разному – кто-то злобствовал, кто-то плакал, кто-то начинал говорить без остановки.

В такие моменты Актеон молчал – он давал человеку показать своё истинное лицо.

Тюрьма была мощнейшим переломным местом, где с людьми безжалостно срывались маски, а вернее, они просто меняли маски, подстраиваясь под новую реальность.

Две исповеди особенно запомнились Актеону – исповедь бывшего чиновника и исповедь вора.

Чиновника он знал ещё до его заключения. Когда-то тучный и дородный мужчина занимал высокую должность в одном из госучреждений. Но был пойман с поличным, когда брал взятку, чтобы позволить местному бизнесмену получить подряд на строительство.

Когда Актеон увидел этого человека на исповеди, в первую минуту он его просто не узнал. Подобострастная поза, заискивающий взгляд, а ведь когда-то он вершил судьбы целого городка и казался Актеону умным, сильным и влиятельным. Несколько месяцев, проведённых в тюрьме, изменили мужчину полностью.

– Вы, я вижу, не узнали меня, – произнёс заключённый, испуганно глядя на Актеона и теребя в руках тюремную шапочку.

Чиновник по привычке поднял правую руку, чтобы поправить несуществующий галстук, но быстро её отдернул.

– Всё меняется в этом мире, – он заискивающе захихикал, – Как говорится... от суммы и от тюрьмы...

По его лицу потекли слёзы, и он начал свой рассказ.

Привыкнув к высокому положению на свободе, здесь, в тюрьме, этот человек прозябал на низшей ступени тюремной иерархии, куда его определили сами заключённые – многие из них помнили, каким чванливым и вороватым он был по жизни.

Актеон поймал себя на мысли, что ему совершенно не жалко этого человека. Хотя полностью винить мужчину было нельзя – именно сложившаяся система дала возможность слабому, глупому и безвольному человеку сделать головокружительную карьеру.

Но жизнь всё расставила по своим местам...

Вторая встреча, запомнившаяся Актеону, была с вором-рецидивистом. Умный, независимый, он занимал в тюрьме среди заключённых верхнюю ступень иерархии. Актеона поразили аристократические манеры этого человека.

Тёмно-карие глаза-бусинки с лёгким прищуром буравили священника. Мужчина сел напротив, не проронив ни слова, внимательно глядя в глаза Актеона, и молчание тягостно повисло в маленькой комнатке, служившей тюремной исповедальней.

Обычно Актеон пытался по лицу определить, что за человек перед ним.

– И не пытайтесь! – вор медленно, с достоинством смахнул пылинку с серых казённых брюк и поменял ноги, положенные одна на другую.

– Что не пытаться? – не понял Актеон.

– Понять меня, – ответил вор, не вкладывая в свои слова ни единой эмоции. – Я – крепкий орешек, – улыбнулся он. – Вам меня не раскусить, мой юный друг! Лучше начните делать то, зачем вы пришли, – он замолчал и выжидательно посмотрел на Актеона.

Актеон начал говорить о человеческих грехах, сделав акцент на воровстве.

В какой-то момент ему показалось, что это не вор-рецидивист на исповеди, а он сам.

– Вы закончили? – спросил тот, когда Актеон замолчал.

Священник открыл, было, рот, чтобы ответить, но заключённый жестом остановил его:

– А теперь послушайте меня, мой юный друг! – он сделал акцент на слове «юный», тем самым давая понять, что исповедоваться не будет, но ему есть что сказать, – Закон писан для...

«Дураков!» – невольно пронеслось в голове Актеона. Он посмотрел в глаза вора, стараясь скрыть неловкость от мысленно произнесённого слова.

– Для обывателей, – закончил фразу вор, глядя на Актеона и улыбаясь.

По его словам, те, кто находится у власти, якобы сторонники закона, являются настоящими ворами, ведь они загибают в сотни раз больше, чем обычные воры, и одновременно лгут о соблюдении закона из-за страха потерять наворованное. и придумывают все эти нормы и правила, чтобы обезопасить в первую очередь самих себя.

– Да, я воровал всю мою жизнь! – лёгкая хрипотца в голосе вора-рецидивиста завораживала. – Но я крал у одного-двух. А такие... – он на секунду запнулся, ища подходящее слово, – «блустители» воруют у тысяч граждан. Я ограбил один банк, а этот банк ограбил тысячи своих клиентов. Но банк почему-то не судят, а считают отъем денег правильным и законным.

Актеон попытался вставить слово, но заключённый рукой показал, что он не закончил, и продолжил свои рассуждения.

– Вся наша система давно прогнила. Потому что построена на обмане и грабеже людей – налоги, платежи, взятки, без которых твоё дело не сдвинется с мёртвой точки. Закон есть! – кивнул заключённый. – Но он разный для всех. Так же, как и ограбление бывает законное и незаконное. А кто такой «умный» закон написал? Да тот, кому есть что терять. А мне, в принципе, терять нечего, кроме своей свободы. Но я для общества – плохой, и я сижу в тюрьме, а вор, который грабит народ, считается кем угодно, но не воров и стяжателем, и потому он – на свободе. Но если убрать страх перед якобы законом, – вор-рецидивист поддался немного вперёд и вдруг заговорил шёпотом, – то все эти крикуны, которые орут на каждом шагу о законе, первыми начнут грабить, насиловать и убивать друг друга. Поверьте мне – вору со стажем и просто старому человеку, который пожил в этом мире и повидал многое! – закончил свою речь заключённый и сел, откинувшись о спинку стула.

«Да... А ведь трудно с ним не согласиться...» – поймал себя Актеон на неожиданной мысли, но продолжал молчать.

Заключённый внимательно посмотрел на Священника.

– Вы знаете, пару лет назад ученые провели интересный опыт! В курятнике! Взяли самого захудалого петушка, последнего в иерархической цепочке, и нацепили на него самый большой гребень, что вызвало страх у остальных обитателей курятника. И что? Последний очень скоро стал первым! Лучшее место у кормушки – у него, самые роскошные курочки – для него! Загордился наш гребешок, решил, что так и должно быть. Но опыт на этом не закончился. Взяли, да и сняли с нашего петушка его большое достоинство... и разом исчезла вся его власть над

этим миром, простите, курятником. И он моментально опустился опять в самый низ. Выводы? Делаем сами. Каждый слабый старается нацепить такой гребешок. Сегодня у вас есть что-то значимое в вашем социуме и вы наслаждаетесь всеми преимуществами теплого местечка у кормушки, а лиши вас вашего «гребешка» и всё – заключают вчерашние друзья и соратники. Все, кто сейчас находится наверху, – это слабые и бездарные люди, которые нацепили на себя гребни власти. А всё почему? Да потому, что существующая система дает возможность таким вот ничтожествам подниматься к ее вершинам... – Вот как-то так, – вор иронично посмотрел на священника Вызывайте охрану, больше мне нечего вам сказать!

Рука Актеона потянулась к кнопке вызова, задержалась на мгновение и потом опустилась. Наступившую в комнате тишину прорезал резкий звук. Дверь распахнулась, и в комнату вошли два рослых охранника.

– Заключённый, на выход! – гаркнул один из охранников, ткнув вора в плечо дубинкой.

Вор еще раз, уже серьезно, посмотрел на Актеона, поднялся и направился к выходу. Больше этого человека молодой священник не видел.

Актеон так и не понял, зачем вор приходил к нему на исповедь: то ли просто поговорить с человеком с воли, то ли показать наивность и глупость священника.

* * *

После таких встреч Актеон вечером давал себе отдых, чтобы проанализировать день и снять накопившуюся отрицательную энергию.

В тюрьме, оказавшись вне привычного социума, человек надевает на лицо новую маску, стараясь спрятаться за ней. Тюрьма – замкнутое пространство. Чтобы выжить там, нужно лгать и казаться сильнее, чем ты есть на самом деле, чтобы тюремная система не сломала тебя, не сделала изгоем.

Найдя свою нишу в тюремной иерархии, человеку нужно не только укрепиться на этом уровне, но и удержаться на нём в дальнейшем. Проблема в том, что постоянно быть в маске невозможно и рано или поздно одну придётся сменить на другую, всё зависит от обстоятельств. Вот тут-то и вылезает из человека мерзкая сущность, о наличии которой человек даже не знает. Так кто тогда человек на самом деле?

Так размышлял наш герой отходя от тягостных впечатлений.

– Вам что-нибудь нужно? – от неожиданности Актеон вздрогнул и посмотрел на служку. Горбун был в преклонных годах. Он родился в этом городке и всю свою жизнь прожил тут. Из-за своего уродства он с детства сторонился своих сверстников и потому пришёл в церковь – здесь никто не обращал внимания на его горб.

Актеону было неприятно, что служка нарушил течение его мыслей, но вида он не показал. Горбун имел кошачью поступь и всегда появлялся внезапно.

– Нет, спасибо – пробормотал Актеон.

«Страшно подумать, что будет, если такой человек дорвётся до власти, нацепив известный гребешок» – подумал он, бросив на горбуна мимолетный взгляд.

Уж очень запал нашему герою в память рассказ об опыте в курятнике, который он услышал в тюрьме.

Служка исчез за дверью так же бесшумно, как вошёл.

Актеон поднялся, вышел из комнаты и пошёл по коридору. Ему хотелось побыть одному.

Он вошел под своды церкви и оглянулся. Перед деревянной скульптурой Христа на коленях стояла какая-то старуха. Она что-то бормотала себе под нос и мелко трясла головой. Платок, повязанный поверх седых буклей, сбился, придавая старухе несколько комичный вид.

Актеону было не до смеха. Он был уверен, что в столь позднее время молеальный зал будет пуст. Но священник тут же взял себя в руки – никто не может помешать ему поговорить с Богом.

Горбун, который чистил подсвечники, увидел мимолётное недовольство Актеона, подошёл к старухе и попросил её покинуть церковь.

Бедная старуха не понимала, почему её гонят, ведь она пришла помолиться. Старуха смотрела на горбуна, мелко трясла головой и никак не могла подняться с колен. Служка начал тянуть её за рукав, чтобы старуха поднялась.

Актеона поразила сцена, свидетелем которой он стал. Он грозно прикрикнул на служку, подошёл к старухе, помог ей подняться и посадил на скамейку.

– Простите его за невоспитанность, – начал разговор Актеон.

Старуха пыталась перевести дыхание и молча смотрела на Актеона. Поведение горбуна выбило её из колеи, и сердце женщины бешено колотилось в груди, мешая дышать.

– Что это... – еле слышно произнесла старуха, но дыхание её сбилось, и женщина снова замолчала.

– Что, простите? – переспросил старуху Актеон.

– Что это за церковь, – медленно выговаривая слова, начала старуха, – если отсюда гонят старого человека? – наконец договорила она.

Старуха поднялась и пошла к выходу. Актеон попытался ей помочь, но старая женщина оттолкнула его руку и продолжила свой путь, с трудом пробираясь между рядами скамеек.

Она подошла к святой воде, постояла минуту, сделав несколько глотков. Затем окропила святой водой лоб и вышла из церкви.

Актеон перевёл взгляд на служку. Тот, понимая свою вину, углубился в чистку подсвечников и наклонился, из-за чего его горб казался больше его самого.

На улице Актеону стало легче.

Он шагал по мощёным улочкам старого городка, глядя себе под ноги. Он всегда опускал голову, когда думал. Выходка служки лишний раз подтвердила его наблюдения, сделанные им в тюрьме: слабый всегда найдёт более слабого, чтобы показать последнему власть над ним. И это не зависело от местонахождения человека. Суть любого человека могла неожиданно раскрыться в любое время, если была подходящая ситуация.

Актеон вышел на берег моря.

Тонкий аромат плодов и цветов обволакивал Актеона. Мысли, тяготившие его сердце, постепенно уходили. Красота и величие пейзажа завораживали. Актеону не хотелось думать ни о лжи, ни о мелочной сути человека. Он просто вдыхал красоту каждой клеточкой своего тела.

Актеон заворожённо смотрел на солнце, которое опускалось за горизонт, окрашивая море яркими узорами. Казалось, что на волнах рассыпаны золотые монетки Посейдона.

– София... – прошептал Актеон и замолчал...

Актеон и София

Началось все год назад. В приходе было строгое правило, установленное старым епископом: все женщины должны были посещать службу и приходить на исповедь без косметики. Епископ считал, что украшательство себя – не что иное, как желание завлечь мужчину ложной красотой, что является безнравственным. И поэтому местная церковь была единственным местом, где можно было увидеть, как же на самом деле выглядят признанные красавицы – горожанки, которые на поверку и не были вовсе красавицами.

С приездом Актеона жизнь прихода изменилась, люди пошли в церковь, особенно прихожанки, весть о красавчике священнике разлетелась по городку быстро. Барышни пытались обратить внимание молодого человека на себя, порой весьма откровенно. Но все это было бесполезно. Актеон сознательно выбрал дело своей жизни, и его не трогали пустое кокетство и недвусмысленные намеки.

Однажды на воскресную службу пришла девушка, которая поразила Актеона своей природной красотой. Всё в ней было безупречно – точеная фигура, гармоничные черты лица, в бездонных глазах ее отражался целый мир. Это была София. Она была как дуновение свежего воздуха в душной комнате. Чувство, которое возникло у молодого священника к ней было горячо и невинно одновременно. Актеон понял, что хочет, чтобы она просто была – была рядом, была в его мыслях и в его сердце. Ему необходимо было видеть её время от времени, он как-будто напивался энергией чистоты и красоты, исходившей от девушки. Он понимал, что между ними не может быть никаких других отношений, но любоваться ею, слышать ее голос, знать, что она где-то рядом гуляет с подругами, ходит по этим улицам, улыбается, просто живет, было для него необходимо. Что это, если не любовь? Но не та физическая, плотская любовь-страсть, которую принято описывать в романах, а светлое чувство, возвышающее молодых людей, придающее смысл их жизни. София тоже влюбилась в Актеона и очень скоро стала самой прилежной его прихожанкой.

Она приходила в сопровождении матери и старшей сестры, которая уже была замужем. Светлая накидка покрывала голову и плечи Софии, в руках всегда была миниатюрная Библия в кожаном переплете. Когда девушка смотрела на Актеона, у него перехватывало дыхание и привычная проповедь прерывалась на долю секунды, а потом продолжалась с новой силой. А когда Актеон украдкой останавливал свой взгляд на Софии, от волнения и смущения ее щеки покрывались легким румянцем. Им не надо было слов, чтобы передать свои чувства, энергия бушевала и воздух был настолько наэлектризован, что казалось: достаточно им пересечься взглядами и произойдет взрыв.

Иногда влюблённые встречались на узеньких улочках городка, в котором жили. В такие моменты обоим казалось, что они одни на белом свете и нет ни толпы прогуливающихся туристов, ни праздно сидящих в уличном кафе горожан.

Ни разу не посмели молодые люди переступить невидимый барьер, разделяющий их жизни. У Актеона впереди была карьера священника, а Софию ждала обычная жизнь с замужеством, детьми и домашними хлопотам.

Молодой человек часто задавал себе вопрос, имеет ли он право испытывать такие земные чувства, не предаёт ли он тем самым обеты, которые давал, выбирая жизнь священника. Он успокаивал себя тем, что в его отношении к девушке нет ничего низкого и приземленного.

Казалось, вот она – идеальная любовь.

Но это не могло продолжаться долго.

Как-то раз София пришла на исповедь очень грустная. Она рассказала Актеону, что выходит замуж за соседского парня, с которым они вместе росли. «А что? Все так живут. Подружки уже давно замужем, нянчатся с народившимся потомством. И тебе пора, а то оста-

нешься старой девой, как жить будешь?» – вот что каждый день слышала девушка в родном доме.

Голос ее дрожал, она пыталась справиться с волнением, но это плохо ей удавалось.

Актеон от такой новости пришёл в ужас! Только обрета такое сокровище, сразу потерять его... Зачем? Кому это всё надо? Условности, опутавшие только начинающих жить молодых людей, способны испортить их будущее, повернуть их жизни в русло банальности и окончательно загубить всё светлое и чистое, что у них есть.

Система, которая заставляет людей устраивать жизнь, таким образом и правда напоминает курятник, о котором ему говорил когда-то обаятельный вор в тюрьме. «Если ты выросла, достигла совершеннолетия, будь добра, снеси яйцо – продолжи род, а мы тебя за это похвалим!» – какая чушь!

– Нет! – Актеон задохнулся от переполнявших его чувств.

– Что мне делать? Я люблю другого человека, но мы никогда не сможем быть с ним вместе, я никогда не смогу выйти за него замуж. А этого я хочу больше всего на свете – быть рядом с любимым, – воскликнула София. – Что мне делать?!

– Любовь – это единственное, ради чего надо жить! Зачем ты выходишь за человека, которого не любишь? Не губи свою жизнь!

– Но я не могу быть с тем, кого люблю, и никогда не смогу, а мне надо выйти замуж, мне скоро 20 лет, ещё год-другой, и я стану старой девой, в мою сторону вообще никто не посмотрит, а я хочу семью, хочу детей, хочу, чтобы было не хуже, чем у других, я счастливой быть хочу! – зарыдала София.

– Милая, – слово это нечаянно сорвалось с губ Актеона, – чтобы быть счастливой, тебе совсем не обязательно выходить замуж за нелюбимого человека только для того, чтобы было, как у других. Они все несчастны, эти другие, даже если сами не понимают этого. А уж тем более не следует рожать детей без любви. Вот где настоящий грех! Что ждёт твоего ребёнка? Какое будущее? Он вырастет в семье, где нет любви, он не выпьет ее с молоком матери и сам не научится любить. Не обрекай своих детей на жизнь без любви в мире без любви, полном страха и страданий.

– Что вы такое говорите?

– Ты можешь прожить другую жизнь, не ту, которую приготовили тебе твои родители. Тебе открыты все дороги в мире, надо только найти в себе смелость решиться что-то изменить! – горячо продолжал священник.

Вдруг он осёкся:

– Нет! Не то я сейчас говорю, – после паузы продолжил Актеон – совсем не то, не слушай меня! Я не могу настраивать тебя против родителей и против брака. Брак – это священный союз, это таинство, – вдруг зашептал он невнятно и замолчал.

Он слышал, как зашуршали складки платья, как София всхлипнула последний раз, как хлопнула дверца кабинки, где проходила исповедь.... Гулкие удаляющиеся шаги.... И тишина...

Актеон не знал, что делать дальше, весь его привычный мир рухнул в одну секунду, жизненные установки пришли в противоречие с настоящей жизнью и настоящими чувствами. Внутри зрело недовольство, готовое перерасти в серьезный личностный конфликт. С одной стороны – его любовь к Софии, его желание видеть её, пересекаться с ней взглядами, думать о ней, хотя бы издали наблюдать за её жизнью, знать, что она рядом, а с другой – невозможность ничего изменить ни в своей жизни, ни в жизни любимой женщины.

Актеон с головой ушёл в работу, пытаясь как-то отвлечься, но это у него плохо получалось.

Прошло несколько месяцев. Девушка больше не приходила на воскресную службу. Актеон узнал, что родители отправили Софию к тетке в другой город, якобы той нужен был

уход. Молодой человек понимал, что это был предлог и ее скорый отъезд связан со слухами, которые ходили об их отношениях. Потом София вернулась. Актеон однажды встретил ее в городе, спешащей куда-то с подружками, она тоже заметила его, но быстро отвела взгляд и сделала вид, что они незнакомы.

А вскоре на исповеди появился молодой человек, он рассказывал о том, что женится на самой красивой девушке этого города.

– Как зовут вашу невесту? – боясь услышать ответ, спросил Актеон.

– Вы знаете ее... очень хорошо, – злорадно захихикал молодой человек. – София, ее зовут София, – и опять затараторил, хвастаясь, какая пышная свадьба у них будет.

А через день пришел отец Софии договариваться о церемонии венчания, ведь в городке была всего одна церковь, и все обряды проводил Актеон.

* * *

Свадьба Софии готовилась несколько месяцев. Родители жениха и невесты обговаривали каждую мелочь – кого пригласить на торжество, как рассадить многочисленных родственников и гостей за столами, они ждали на свадьбу не менее ста человек. Подруги Софии каждый день тормошили её с выбором подвенечного платья.

Сама девушка не выглядела очень счастливой. Она долго колебалась в выборе платья, из-за чего никак не могла определиться с выбором пригласительных открыток и цвета платьев для подружек невесты. Всё было не то, что хотелось, а что хотелось – она и сама не знала. Но постепенно предсвадебные хлопоты захватили и саму девушку. Было выбрано и платье, и наряды для подружек, утверждено застольное меню, и даже про подушечки на стулья для гостей в цвет тарелок не забыли.

Одно воскресенье сменяло другое, а София так больше и не появилась на пороге храма.

Вглядываясь с кафедры в лица прихожан, Актеон то тут, то там улавливал знакомые черты. «Вот у этой малышки волосы кудрявятся, как у Софии... А у этой почтенной дамы такой же красивый разрез глаз... А здесь кружево на платке напоминает накидку, которая покрывала её плечи».

И как-то в одно из воскресений Актеон понял, что до дня свадьбы осталась всего одна неделя.

Эти семь дней промелькнули для Актеона, как одно мгновение.

Спроси его, что он делал в эти дни, он бы и не ответил; мысль о том, что свадьба приближается с каждой минутой, сверлила мозг. Он не мог сосредоточиться ни на чём.

Ночью накануне свадьбы Актеон неожиданно крепко уснул, вернее провалился в сон – сказались предыдущие бессонные ночи. Утром служка еле добудился молодого священника.

Актеон принял душ, облачился в свежее бельё и встал на колени перед небольшим распятием Христа, висевшим в изголовье кровати.

Молодой священник молился только об одном: чтобы у него были силы вынести до конца этот день. Хотелось, чтобы скорее наступило завтра, и всё равно, какое оно будет.

Утро было жарким, и служки открыли все окна, впуская прохладу под купол церкви. Понимая, что все желающие не поместятся в помещении церкви, они расставили стулья в тени раскидистых деревьев во дворе церкви.

Хор на небольшом возвышении алтаря под руководством хормейстера распевался, и под своды купола уносились мелодии, иногда пугая задремавших голубей, и те, всполошившись, громко трепетали крыльями и вылетали на улицу.

– Святой отец! – позвал Актеона старший служка. Ему через месяц должно было исполниться четырнадцать.

Актеон улыбнулся. Голос подростка ломался, и в его баритоне, начинавшем формироваться, иногда проскальзывали нотки детского фальцета.

– Да, дитя моё!.

– Вы ничего не съели! – он пришёл за подносом, чтобы убрать, но увидел, что священник даже не выпил кофе.

– Ах, да-да! – за всеми утренними делами Актеон не заметил, что сегодня не завтракал. Он дотронулся до кофейника – тот был ещё тёплым.

– Кофе тёплый, мне достаточно, остальное унеси.

Актеон отпил кофе, но легче не стало. «Держи себя в руках», – мысленно приказал сам себе священник.

Он попытался опять молиться, но не мог сосредоточиться. Пора было уже идти в церковь, время церемонии неумолимо приближалось.

* * *

Актеон вошел в зал.

Родители жениха и мать невесты сидели в первом ряду. Их лица от волнения и жары лоснились от пота.

Актеон обвёл взглядом присутствующих, прихожане потихоньку успокоились, давая возможность начать венчание.

Актеон посмотрел вверх. Под самым куполом сидело несколько голубей, громкое воркование которых доносилось до его чуткого уха.

Молодому священнику казалось, что всё происходит не с ним, а с кем-то другим. Будто Актеон попал в другую реальность и смотрит со стороны, как кто-то, чуть наклонив голову, сосредоточенно читает отрывок из Библии.

Дверь отворилась, невеста с накинутой на лицо фатой показалась Актеону незнакомкой, потому что она не могла быть его возлюбленной Софией – такой прекрасной, чистой и целомудренной!

Актеон не чувствовал холода в пальцах рук. Он не знал, продолжал ли он дышать или его лёгкие прекратили работать. Он не слышал биения собственного сердца. Актеону казалось, что в том месте, где должно находиться сердце, зияла огромная чёрная, бездонная дыра, которая с каждым шагом, с которым София приближалась к алтарю, поглощала его любовь к девушке.

Актеон вцепился в края кафедры с такой силой, что его пальцы побелели. Ему хотелось кричать от боли, подбежать к Софии и спрятать её от всего мира.

София вдруг запнулась, и по церкви тут же пронёсся шёпот. Одна из подружек невесты тоже споткнулась и чуть не выронила шлейф, который торжественно несла.

София повернула голову к отцу, тот что-то ей тихо сказал, дружески похлопал дочь по руке, шествие продолжилось.

Актеон не понимал, что происходит. Это была настоящая пытка. Теперь ему казалось, что он в одно мгновение стал немым, глухим, незрячим и потерял способность чувствовать. Актеон продолжал стоять, вцепившись в край кафедры, и смотреть на приближающуюся Софию.

Шаг. Ещё шаг. Ещё один...

«Остановись, София! – кричала душа Актеона. – Ещё один шаг, и ты будешь принадлежать нелюбимому! Делить с ним кров, еду и постель! Рожать от нелюбимого детей! Это и есть самая настоящая безнравственность!»

Священника пробил холодный пот. Сколько раз он сам уговаривал молодых людей создать семью, родить детишек, тем самым обрекая их на жизнь без любви.

Сколько раз Актеон проводил венчания, видя, что люди не любят друг друга, а женятся только потому, что пришло время обзавестись семьёй и выполнить свой долг перед обществом.

Снести свое яйцо – продолжить род! И только сейчас Актеон понял, что он сам своими поведями подталкивал людей ко лжи.

Отец Софии подвёл девушку к жениху.

София стояла, опустив свои прекрасные глаза. Она подняла взгляд на Актеона, на этом его жизнь закончилась... его прежняя жизнь.

Актеон понял, что оказался бессилён. В голове была только одна мысль: «Бежать! Прямо сейчас! Бежать!»

Дальнейшее тоже было как во сне: его вопросы – «Берёшь ли ты в жены, мужа...», их ответы, обручальные кольца, поцелуй... Как ни странно, после того, как путь назад для невесты был отрезан, стало как-то легче, как будто что-то оборвалось в душе и отпустило. Безразличие разлилось там, где ещё недавно бушевал океан любви...

Миссия в Африке

Прошло несколько дней после свадьбы. И вот Актеон уже сидит в самолёте рейса Рим – Кигали. Несколько дней назад у него произошёл серьёзный разговор с епископом. Внезапное решение Актеона улететь миссионером в Африку повергло того в недоумение. Обстановка на этом континенте всегда была взрывоопасной. Но молодой священник был уверен, что именно сейчас он должен находиться именно там, чтобы помогать людям.

Епископу нравилось рвение Актеона. Он был старой закалки и по молодости бывал в горячих точках планеты. Он и сам был уверен, что предназначение священника – нести христианство в самые отдалённые уголки мира, и он хорошо понимал, что, вернувшись из Африки, удовлетворив там свои желания и амбиции, хлебнув сполна бытовой неустроенности, молодой человек не захочет больше никуда ехать, спокойно продолжит свое служение здесь и когда-нибудь сменит его, когда он уйдёт на покой.

Беседа была долгой. Епископ посоветовал Актеону начать свою миссию с поселения в центральной Африке, где служил священником отец Курт. Они познакомились в Руанде в 60-е годы, сдружились, но потом каждый пошел своей дорогой. Один дослужился до высокого сана, а второй выбрал путь миссионера и остался в Африке.

Епископ написал рекомендательное письмо, а затем благословил священника. Но ни он, ни сам Актеон не подозревали, с какой страшной реальностью придётся столкнуться молодому человеку в самое ближайшее время.

В Кигали Актеон пересел на самолёт внутренних авиалиний. И вот они, два пилота и шесть пассажиров, спустились с трапа в крошечном аэропорту. Впрочем, это место с трудом можно было назвать аэропортом. На земле стояло всего два здания: полуразвалившийся ангар и хижина, где находилась касса – окошко, за которым виднелось миловидное личико молодой женщины с замысловато заплетёнными косичками на голове. В зале ожидания находились несколько грубо сколоченных и небрежно покрашенных скамеек и бар, где мирно дремал пожилой африканец, похожий на Луи Армстронга.

До самой миссии пришлось добираться на старом вертолёте. Встретил его сам отец Курт, священник из Германии. Это был человек высокого роста и атлетического телосложения с коротко стриженными седыми волосами. Лицо его имело бронзовый оттенок, на нём выделялись серые, почти стального цвета глаза.

Отец Курт по-отечески обнял молодого священника и сразу отвёл его в дом, где жили миссионеры. В комнате Актеона находилось только самое необходимое: кровать, тумбочка для личных вещей, стол и стул.

В первый же вечер отец Курт пригласил Актеона к себе, чтобы из первых уст узнать о том, что происходит в мире, и, конечно, поинтересоваться делами своего друга, старого епископа. Рассказывая отцу Курту о друге его молодости, Актеон поймал себя на мысли, что двое мужчин одного возраста разительно отличались друг от друга. Епископ вёл малоподвижный образ жизни и часто болел. А отец Курт был бодр, подвижен и выглядел моложе своих лет.

– Что подвигло вас, молодого и перспективного священника, – отец Курт кивнул на стол, на котором лежало рекомендательное письмо, – бросить службу в хорошем приходе и прилететь в эту африканскую глушь?

– Возможно, то же, что заставило вас тридцать лет назад приехать сюда и остаться, – уклончиво ответил Актеон.

– Не скажите! У каждого – свои причины, – отец Курт поднялся с кровати, подошёл к окну и зажёл спиртовку, на которой стоял чайник с водой. Актеон, как почётный гость, занимал единственный в комнате стул.

Когда вода закипела, отец Курт насыпал в чайник горсть травяной смеси и залил кипятком.

– Этот напиток, – сказал он Актеону, который с интересом наблюдал за манипуляциями отца Курта, – поможет вам набраться сил. В нём смесь из местных трав, названия растений вам ничего не скажут. Вы скоро сами начнёте разбираться в них, – улыбнулся он. – Но аромат дикой мяты всегда можно уловить.

Пока чай заваривался, отец Курт снова присел на край кровати и повторил свой вопрос: что же привело Актеона в миссию?

Актеон рассказал о том, что так волновало и не могло дать успокоения душе: о человеческой лжи, которая пропитала и отравила всё, к чему прикасался человек, о гордыне, корысти, злобе, о своих безуспешных попытках что-то изменить. Умолчал только об одном – о желании сбежать, скрыться из города, чтобы никогда не видеть Софию. Внезапно он замолчал.

– Вы засомневались в вере? – спросил отец Курт.

Именно этого вопроса Актеон и ждал, и боялся. Потому что он уже знал ответ на него.

– Да, у меня появились сомнения, но... – он не знал, что сказать дальше.

– Вы не первый, кто сомневается в вере, – слова отца Курта несколько обескуражили Актеона. – Это нормально. Раз сомневаетесь, значит, думаете.

– Да, но это несовместимо с саном священника, – возразил молодой человек. – Мы обязаны быть тверды в вере!

Он поднялся со стула и зашагал по комнате из угла в угол.

– Я всегда верил в Бога, – Актеон снова сел, – Разговоры со старым священником в детстве. Позже – учёба в католическом университете. Всё это дало мне уверенность в моей вере. Да, я видел, что люди не совершенны. Но думал, что мне дано исправить это. Только позже я увидел, сколько вокруг лжи и лицемерия. Я тщательно работал над проповедями, хотел донести слово Божие до сердец прихожан. Но мои слова говорились в пустоту. Вера не делала людей лучше! И главное, что я сам принимал в этом участие, значит, и во мне столько же лжи и лицемерия.

Отец Курт молчал и внимательно слушал молодого священника.

– Хочу понять истину, – просто сказал Актеон и пристально посмотрел в глаза отцу Курту.

Отцу Курту понравилась искренность Актеона:

– Но ведь чтобы найти истину не обязательно лететь за тысячи километров.

– Здесь, в Африке, как утверждают учёные, истоки человечества, – ответил Актеон, думаю, что ответы на мои вопросы именно здесь.

– А как же библейская версия происхождения человека? – улыбнулся отец Курт.

Актеон смутился. Он вдруг осознал нелогичность своей фразы – священник решает проверить выводы учёных о месте зарождения человечества. Получается, что он не верит в Божественное происхождение первых людей Адама и Евы, описанное в Библии.

Отец Курт встал, разлил ароматный напиток по кружкам, одну подал Актеону:

– Осмотритесь, молодой человек. Вам не надо никуда торопиться. Живите здесь столько, сколько вам захочется. Если понравится, оставайтесь. Если не понравится... вы вольны в своём выборе, сами решите, что делать дальше.

– Благодарю вас, отец Курт, – Актеон был признателен священнику за его слова.

– Обживайтесь! И если вам интересно, жду вас завтра вечером на чашку чая. Я с удовольствием поделюсь с вами некоторыми версиями относительно происхождения человека.

– Очень интересно! – воскликнул Актеон.

– Тогда до завтра, – сказал отец Курт. – И спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – Актеон чуть заметно кивнул и вышел из комнаты.

С этой первой беседы у двух священников появилась традиция – совместное чаепитие после долгого, напряжённого дня, когда у отца Курта было время и когда он был в миссии.

* * *

В миссии был строгий порядок. Каждый знал, что ему делать. Никто никого не принуждал к работе, но все были при деле. Многолетний труд отца Курта не пропал даром.

– Дисциплина – это свобода, – как-то сказал он Актеону, когда тот выразил своё восхищение порядком в миссии. – Не помню, кто из великих это сказал, но эти слова подтверждены годами кропотливого анализа и наблюдений. Я, как рачительная хозяйка, у которой всё разложено по полочкам, не трачу время на поиски нужной вещи. Когда у тебя всё расписано по часам, а то и по минутам, то остаётся много свободного времени, которое можно потратить с пользой.

Само поселение располагалось на берегу небольшой речушки, плотина на которой питала ветряную мельницу. Стационарная электростанция и солнечные батареи с лихвой обеспечивали миссию электричеством.

Актеон был поражён тем фактом, что миссия была полностью на собственном обеспечении и ни в чём не нуждалась. Люди работали на плантациях кофе, чая, бананов, бобовых и картофеля. Плодородные почвы, климат и оросительная система давали возможность снимать по несколько урожаев в год. Хорошие пастбища позволяли держать достаточное количество скота, что тоже давало неплохой доход от продажи мяса и выделанных шкур. Ватусси, или «инсанга» – порода крупного рогатого скота – имела интересную особенность: очень длинные рога, пронизанные системой кровеносных сосудов, которые являлись своеобразным терморегулятором при жаре.

Люди в миссии были счастливы. И Актеон видел это. Здесь мирно сосуществовали несколько племён – хуту, местные земледельцы, которых было большинство, и тутси – скотоводы-воины. Встречались также пигмеи из племени тва, выбравшие оседлую жизнь. Они промышляли охотой и собирательством плодов и корней. Их рост не превышал 140 см. Вся эта разномастная паства дружно уживалась на одной территории – по крайней мере, так казалось на первый взгляд.

Хижина, которую все называли церковью, даже в дни больших праздников была полупустой, хотя тутси и хуту изредка посещали церковь. А пигмеи племени тва, хоть и были обращены в католичество, продолжали чтить лесной дух, который, по их мнению, помогал или не помогал им в охоте. Это зависело от подношений местному колдуну, жившему отшельником в землянке в нескольких километрах от миссии. Но отец Курт относился к этому с пониманием.

Несколько дней Актеон слонялся по посёлку, не зная, чем заняться. У каждого из миссионеров были свои обязанности. Жизнь текла спокойно и размеренно.

Больным помогала медсестра-миссионерка. Но это были единичные случаи, что удивляло Актеона. Со временем он предположил, что всему причина – здоровый образ жизни.

Учитель-волонтёр обучал детей грамоте в местной школе. Ему помогали старшие ученики, которые уже умели читать и писать.

Основной проблемой, с которой жители миссии сталкивались каждый день, были шики – свиные блохи, которые обитали в пыли или в земле. Так как аборигены категорически отказывались надевать обувь, продолжая ходить босиком, шики не просто кусали их за ноги. Свиные блохи заползали под ногти, вызывая болезненные нагноения размером с горошину. Даже после извлечения шика из ноги, ранка долго заживала, оставляя на коже неглубокую ямку. Актеона сразу предупредили, чтобы он был осторожен. И в первое время молодой человек не снимал сандалий даже во время купания...

* * *

Раз в неделю отец Курт летал на вертолёт в Бьюмбу, откуда привозил медикаменты, продукты, книги и одежду. Несколько мужчин из местных племён помогали ему разгрузить вертолёт. А потом миссионеры разбирали содержимое коробок, раздавали одежду прихожанам, а учебники ребятишкам.

Актеон пока не включился в слаженный рабочий процесс, и чтобы не мешать другим, снова отправился на берег речушки, которая в разгар лета уменьшилась до ручейка, но всё же продолжала радовать прохладой. Раздевшись, Актеон лёг на шёлковую траву в тени дерева и, положив под голову руки, смотрел на глубокое, пронзительно синее африканское небо. Иногда чуть различимый силуэт орла прорезал синеву.

Молодому священнику всё было ново и интересно. Он смотрел на парящих в небе птиц, прислушивался к звукам джунглей, рассматривал цветы и листья незнакомых растений и пытался разглядеть в прозрачной воде стайки ярких мальков. Актеон не заметил, как задремал.

Проснувшись, понял, что солнце обожгло его ступни. Он не знал, сколько времени прошло. Молодой человек поднялся, отряхнул одежду, лежащую на траве, и повесил её на толстую ветку дерева, что росла чуть выше его головы. Затем подошёл к речке и, громко фырча, умылся и ополоснул раскалённое тело. Увы, искупаться он не мог, потому что вода высохшего ручья, который буквально неделю назад была настоящей рекой, едва доходила до щиколоток.

Издали слышался мелодичный звук гонга. Пора было идти на ужин. Актеон, натянув на голый торс рубашку, весело зашагал в посёлок...

* * *

Вечер быстро вступил в свои права, и темнота окутала посёлок. Уличные фонари, даря приятный свет, освещая практически всю территорию миссии.

Актеон обратил внимания, что отца Курта не было в столовой.

Миссионеры в основном уже поужинали и занимались, кто чем хотел. Откуда-то доносились звуки гитары и губной гармошки в стиле «кантри».

Актеон поздоровался, взял поднос, положил на тарелку несколько отварных картофелин, овощи и оглянулся.

Людей в столовой было немного, и Актеон сел на свободное место недалеко от двух юных монашек. Девушки бросали любопытные взгляды на нового миссионера и смущённо шептались.

После ужина Актеон решил заглянуть к отцу Курту.

– Добрый вечер! – улыбнулся отец Курт и распахнул дверь своей комнаты.

– Добрый вечер! – ответил молодой священник. – Не стал днём мешаться под ногами, и весь день провёл на берегу реки.

– Наверное, о многом передумалось за это время?

– Признаться, я заснул, – смутился Актеон, – Удивляюсь вашей энергии, отец Курт. Вы когда-нибудь спите?

– Конечно, мой друг! – рассмеялся тот, – Человеческое тело несовершенно и требует отдыха. Просто мне достаточно четырёх часов в сутки хорошего сна, и мой организм снова готов к работе. – Присаживайтесь и устраивайтесь поудобнее, – предложил он Актеону.

Аромат свежесваренного чая приятно щекотал ноздри Актеона. Он опустился на единственный стул в комнате.

– Хочу выполнить своё обещание, – отец Курт посмотрел на Актеона, – поделиться с Вами некоторыми мыслями относительно происхождения человечества.

– С удовольствием послушаю Вашу версию, – Актеон был заинтригован.

– Сначала хочу рассказать вам об одной научной экспедиции, которая изучала шимпанзе в дикой природе, – начал свой рассказ отец Курт. – Экспедиция задержалась здесь, у нас, на несколько дней из-за дождей. Вертолёт не мог приземлиться, чтобы забрать оборудование и материалы. И я провёл несколько вечеров в компании умнейшего человека. В разговоре с ним мы как-то затронули тему происхождения человека как одного из видов млекопитающих. Теория Дарвина, которая была очень популярна в то время, не укладывалась в моей голове и никак не стыковалась с Божественной версией происхождения человека. Я был согласен с Дарвином, но только относительно естественного отбора в природе. Посмотрите, мой друг! Из года в год на розовом кусте появляются исключительно розы. Причём с каждым разом это растение укрепляется в своём цвете и в своей форме. То есть роза совершенствует сама себя. Слабые и болезненные особи – не важно, будут это волки, антилопы, птенцы, выпавшие из гнезда, – беспощадно уничтожаются самой природой, чтобы хилые создания не заполнили их ореолы обитания. То есть в природе запущен механизм, который стремится к красоте и совершенству. Но, если коснуться человечества, то время исторических потрясений и революций – особенно за последние сто лет – не прошло даром для нас. Коммунизм – новая и самая светлая форма государственного устройства. Хотя, люди умудрились извратить и эту идею, поставив всё с ног на голову... Так вот, коммунизм в лице Дарвина неожиданно нашёл союзника против официальной церкви. Ничего божественного в создании человека нет, люди произошли от обезьян, которые очень много трудились. Перестаньте работать, и вы снова превратитесь в обезьян.

Отец Курт и Актеон рассмеялись. В католическом университете теория Дарвина изучалась, хотя автор атеистической теории ещё при жизни был предан анафеме.

– Есть одна версия, которая... как бы правильнее выразиться... примирит две теории происхождения человечества на нашей планете, – продолжил отец Курт.

Актеон почувствовал, как у него заныло под ложечкой. Эта тема была у него любимой. Сколько версий студенты высказали в жарких спорах, пока преподаватели не могли их слышать. Бывало, что молодых людей с крамольными мыслями отчисляли из университета, где каждый год ковались новые кадры для католической церкви.

– Наверняка вы слышали о шумерских глиняных табличках, найденных в середине XIX века сэром Генри Остином Лейардом в южной Месопотамии на руинах древнего Вавилона. Утверждать, фальсификация эти таблички или нет, я не могу. Но всё-таки принимаю на веру мнение учёных, что возраст этих глиняных черепков составляет несколько тысячелетий. Мой знакомый лично видел эти письма и разговаривал с археологами. Радиоуглеродный анализ подтвердили, что шумерские таблички настоящие. Специалистов по шумерскому языку единицы. Переведены лишь некоторые фрагменты текстов. Самым известным из исследователей был американский учёный и писатель Захария Ситчин, который выдвинул сенсационную версию. Он утверждал, что шумеры, у которых появилась первая письменность, рассказывали в своих табличках, как на планету Земля прибыла высшая цивилизация – ануннаки, название которых так и переводится – «сошедшие с небес». Это случилось примерно 400 тысяч лет назад. Ануннаки прилетели с планеты Нибиру, период вращения которой вокруг светила составляет 3600 лет. Нибиру процветала. Но случилось неизбежное: родная планета ануннаков стала остывать. Защитный слой атмосферы истончился, и планете грозило уничтожение. Учёные Нибиру нашли выход – создали искусственный защитный слой, распылив в атмосфере атомы золота, сохраняющие тепло. Но запасы драгоценного металла скоро иссякли, и по решению совета старейшин было отправлено несколько экспедиций на космических кораблях-капсулах в поисках планет с залежами золота. Так один корабль приземлился на Земле, на территории юго-восточной Африки недалеко от острова Мадагаскар. Возглавлял экспедицию ануннак

по имени Энки. А помогал ему его младший брат Энлиль. Несколько тысячелетий ауннаки работали на приисках, добывая драгоценный металл. Но однажды рабочие взбунтовались – им надоело батрачить, и они попросили найти им замену на тяжелейшей работе. Учёные-генетики придумали выход, внедрили в человекообразных приматов, которые населяли первобытную Землю, ген человека высшей цивилизации. Так появились первые люди – коренные жители нашей планеты. Ауннаки обучили их добывать золото и спокойно улетели на Нибиру. Раз в несколько тысяч лет они возвращались на Землю и забирали драгоценный металл, добытый рабами, как их называли ауннаки. Когда запасы золота были практически исчерпаны, Энлилю – младшему из братьев – было приказано уничтожить всех людей Земли, чтобы не нарушать продолжение естественного развития планеты. Но с решением Совета мудрейших не согласился Энки – старший брат. И он спас нескольких людей. Возможно, история потопа, когда на ковчеге спасся только Ной, его жена и трое сыновей, как раз говорит об уничтожении человечества ауннаками. Потому что, согласно тексту с глиняных табличек, ауннаки имели глаз, который видел всё, и имели луч, который мог разрушить любую материю. Очень может быть, что они могли искусственно вызвать любой природный катаклизм. Позже Энки поселился на Земле, мужчины-ауннаки вступали в контакт с оставшимися в живых первыми женщинами нашей планеты. Улавливаете аналогию? Я про падших ангелов, которые тоже спускались на землю и, кстати, впервые подарили женщинам краски для украшения себя. Я думаю, не зря во всех народностях существуют легенды о том, что боги когда-то жили на высокой горе и спускались к людям, чтобы обучить их какому-то ремеслу. Так ауннаки по крупицам передавали первобытным людям свои знания и укрепляли ген человека в генной решётке приматов. Теперь вы не удивляетесь, почему люди своими повадками и устройством общества так похожи на обезьян? – спросил отец Курт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.